

ОДЫГА

ВОЛОДАРСКАЯ

НИКАКИХ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ



МЕМУАРЫ
МЕРТВОГО
НЕЗНАКОМЦА

Ольга Володарская

Мемуары мертвого незнакомца

«ЭКСМО»

2014

Володарская О. Г.

Мемуары мертвого незнакомца / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2014

У этих детей было так мало общего... Маша – дочка большого человека, умница, будущая актриса. Давид – дворовая шпана из неблагополучной семьи. Но ничто, казалось, не сможет их разлучить... Пока в их отношения не вмешался Зураб, старший брат Давида. В итоге – три разбитых сердца. Три поломанных судьбы... Спустя двадцать лет эти трое снова встретились. Город детства позвал Машу и Давида, где по-прежнему жил Зураб. Вернулся туда и их младший брат Гиоргий, пропавший в двенадцать лет. Милый мальчик по кличке Одуванчик, защитник бездомных собак и птиц-подранков. Никто не знал, где он провел все эти годы, чем занимался. А он не мог ничего рассказать, страдая от амнезии... Одуванчика застрелили из снайперской винтовки спустя пару дней. И те, кого судьба разлучила много лет назад, объединились, чтобы узнать, кто и почему это сделал...

© Володарская О. Г., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Часть вторая	34
Глава 1	34
Глава 2	37
Глава 3	39
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Володарская

Мемуары мертвого незнакомца

© Володарская О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

В Тбилиси я впервые попала в декабре 2013-го и сразу влюбилась в этот город. Спустя два месяца я вернулась, чтобы снова окунуться в его потрясающую атмосферу и начать писать эту книгу...

P. S. Все персонажи вымышлены, любые совпадения случайны.

Пролог

Наши дни...

Витрина книжного магазина на Старом Арбате была отлично оформлена и грамотно подсвечена. Она так и притягивала взгляд. Даже те, кто просто проходил мимо, приостанавливались возле нее, чтобы взглянуть на выставленные в ней книги. Но эти люди не задерживались у витрины дольше минуты – шли дальше. В отличие от Зураба Ристави. Он стоял возле нее уже полчаса. А все потому, что за стеклом среди прочих книг находился и его роман «Дневник монстра», вышедший два года назад в Грузии и вот теперь изданный в России.

Зураб сожалел о том, что магазин закрыт, иначе он зашел бы. Во-первых, для того, чтобы приобрести экземпляр своего романа, а во-вторых, передать комплимент дизайнеру. Поработал он на славу. Все книги по-разному подал. Например, томик с классическими новеллами французских авторов поставил на пюпитр. «Покет» с любовным романом прислонил к винтажному зеркалу в золоченой раме. Между страниц криминального чтива сунул кинжал, а острие его вогнал в деревяшку, и получилась оригинальная подставка. А вот книга Зураба оказалась заключенной в клетку. Когда-то там жил безобидный хомячок или попугайчик, но теперь в нее, поржавевшую, чуть деформированную, был заключен... «монстр»!

Вынув из кармана телефон, Зураб сделал несколько фотографий на память. Пора было идти. Он и так задержался. А его, между прочим, ждут.

Зураб бросил прощальный взгляд на витрину и чуть не вскрикнул. В стекле отражалось лицо человека, которого он когда-то сам похоронил. Собственными руками вырыл ему могилу, сбросил туда тело и закидал землей...

Монстры не возвращаются!

Или?

Зураб резко обернулся. Он ожидал увидеть за своей спиной единственного человека, который вызывал в нем ужас, но...

Трогуар был пуст. Ни души. Впереди и сзади люди. А за спиной никогошеньки.

Померещилось!

Зураб облегченно выдохнул и продолжил путь.

Часть первая

Глава 1

Три года назад...

Он стоял у окна и пил виски. Глотки делал мелкие, частые. И всякий раз, когда подносил стакан ко рту, кубики льда на дне позвякивали. Этот звук умиротворял. Как и тридцатилетней выдержки скотч. Как и вид из окна...

Ночной Тбилиси завораживал. Набережная Куры, громада церкви Самеба, статуя матери Грузии на горе Мтацминда, крепость Нарикала – все это светилось и будто парило в воздухе. А вокруг этих «планет» сверкали мириады огней-звездочек: фонарей, окон, витрин...

Целая Вселенная!

Пожалуй, все крупные города выглядели примерно так же. Но Тбилиси был не просто столицей Грузии и туристическим центром страны. Тбилиси был городом, в котором он родился и вырос...

То есть центром ЕГО Вселенной.

Давид сделал еще один глоток и отставил стакан. Крепкий алкоголь зажег желудок, в котором с утра ничего не было. Нужно поесть.

Он подошел к шифоньеру, распахнул дверцы, взял с полки свитер и джинсы и стал одеваться. Конечно, можно заказать ужин в номер, но Давиду хотелось посидеть в ресторане, послушать грузинские песни и разговоры посетителей. Он так отвык от этого за годы жизни в России.

Одевшись, он посмотрел в зеркало. Выглядит, как всегда, безупречно. Подтянутая фигура, волнистые черные волосы, посеребренные сединой, трехдневная щетина на волевом подбородке, ровный загар – все работает на имидж идеального самца. Давид не старался его поддерживать. Получалось как-то само собой. Спортом он занимался от случая к случаю, стригся раз в месяц, но волосы были послушными и хорошо лежали, а бриться каждый день ему просто-напросто было лень. Что же касается загара, то его смуглая кожа быстро им покрывалась. Давиду удивительно повезло с фактурой. Он умудрялся прекрасно выглядеть, не прилагая к этому никаких усилий. Сейчас, например, у него даже глаза не красные. Хотя он спал от силы четыре часа за эти сутки.

Давид спустился на лифте в фойе. Хорошенькая администраторша лучезарно ему улыбнулась. В улыбке ее было больше женского кокетства, чем профессиональной вежливости.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – обратилась к нему она.

– Нет, спасибо, – ответил он.

– Может, вызвать машину?

– Я прогуляюсь...

И он покинул отель.

Он не стал селиться в «Марриотте» и «Редисоне», как делали люди его достатка. Центрального проспекта Руставели тоже избежал. Выбрал частную гостиницу в старом городе. Снял пентхаус с видом на город. Благодаря тому, что отель стоял на возвышении, а остальные дома были гораздо ниже, вид из окон открывался удивительный. Это стало решающим при выборе места проживания на время пребывания в Тбилиси.

Давид не спеша спустился по узкой улочке к ресторану, где подавали когда-то лучшие в городе хачапури по-аджарски. Сейчас же, как он понял, заведение было рассчитано на туристов. С террасы доносилась в основном английская и русская речь. Значит, хачапури тут уже не те. Давид развернулся и зашагал прочь от ресторана.

Тбилиси сильно изменился с тех пор, как он был в нем последний раз. Грузины все, как один, ругали своего президента, но надо отдать ему должное, город он привел в порядок. По крайней мере, туристическую часть. Гулять по ней было приятно. Давид дошел до серных бань, сел на лавочку в сквере. Есть по-прежнему хотелось, но он не знал, какой ресторан посетить, чтобы не разочароваться в кухне. Он так скучал по настоящим хинкали, хачапури, чахохбили. Во многих странах бывал в грузинских ресторанах, но ни разу блюда не удовлетворили его. Почему? Вроде и повара искусные, и рецептура соблюдена, и продукты свежайшие, и специи те, что надо, но не то... Вода не та? Воздух? Энергетика? Что?

– Такси не желаете? – обратился к Давиду по-английски пожилой мужичок. Принял за обычного туриста.

– Отвези меня в хороший ресторан, – попросил Давид по-грузински.

– В какой желаешь, дорогой? У нас сейчас много всяких открылось. Даже японские есть.

– В грузинский. Где готовят нежнейшие хачапури и самые сочные хинкали. Где поют душевные народные песни и танцуют заводные танцы. Где домашнее вино черно и терпко... – В Грузии красное вино называли черным, и Давид сейчас об этом вспомнил.

– Есть такое место! – восторженно воскликнул таксист. – Харчо там такое, что я плачу от счастья, когда кушаю.

У Давида сразу слюнки потекли. Супа он тоже хотел. А еще пхали. Это холодное блюдо, сформированное в форме котлеток из вареных овощей (сельдерея, моркови или свеклы), зелени и орехов, было не так известно за пределами Грузии, как то же харчо, но Давид обожал его. В детстве оно было постоянно на их семейном столе.

– Отвези меня в тот ресторан. И подожди. Если еда там такая, как ты говоришь, заплачу тебе втрое больше.

Тот закивал и бросился к своему старому «Опелю». До ресторана, рекламируемого таксистом, ехали минут пятнадцать. Все из-за пробок, которые были хоть и не такими, как в Москве, но все равно довольно плотными. Когда добрались, Давид отметил, что здание новое. Такого он не помнил, хотя район знал неплохо.

Он зашел в заведение, занял столик. На сцене пел пожилой мужчина в национальном костюме, подыгрывая себе на пандури. Давид слышал в детстве исполняемую им балладу. Она ему нравилась.

Он заказал кучу блюд. Понимал, что не съест и трети, но хотелось полакомиться всем. Если в этом ресторане и вправду хорошо готовят, он будет питаться тут все дни пребывания в Тбилиси.

Первыми принесли пхали, усыпанные зернышками граната. И кукурузные лепешки. Пхали. Давид попробовал и зажмурился... Как мамыны!

Остальные блюда тоже были на высоте. Как и вино. Давид выпил три фужера и перепробовал всё. Вышел из ресторана с полным животом. Таксист ждал его.

– И как? – спросил он, когда Давид угнездился на сиденье.

– Не обманул.

Тот расплылся в улыбке.

– Куда едем?

Давид хотел назвать адрес своего отеля, но передумал...

– Отвези меня в Сололаки.

– А что там?

– Жил я там.

– Так ты тбилисец?

– Да. До восемнадцати лет тут прожил.

– А я тебя за итальянца принял...

Он был не первым, кто увидел в стопроцентном грузине Давиде итальянца. Все из-за носа. Он отличался от привычных кавказских. В двадцать семь Давид получил травму. Сломал нос в двух местах. И его пришлось оперировать. Хирург был настоящим творцом. Он слепил из раздробленных костей произведение искусства. Нос, которому позавидовал бы сам Цезарь.

Таксист лихо вырулил со стоянки и погнал машину по шоссе. Давид, пока ехали, вспоминал...

Глава 2

Он вырос в старом Тифлисе. На улочке у подножья горы Мтацминда. В итальянском, как их здесь называли, дворике. Ветхий трехэтажный дом с резными балкончиками, между которыми натянуты веревки для сушки белья, населяло несколько семей. Самой бедной была его, Давида. Мама работала продавцом в хлебном магазине, получала очень мало. Отец почти ничего в дом не приносил. Львиную долю того, что зарабатывал, водя туристов по историческим местам города, он тратил на себя любимого. Чуть ли не каждый вечер сидел с друзьями в ресторанах. Раз в неделю посещал серную баню. Да не в общую ходил, а в номера, где сам Александр Сергеевич Пушкин мылся.

Мама вышла за него против воли родителей. Те видели, какой это сомнительный тип, и категорически запретили ей связывать с ним жизнь. А она без памяти влюбилась в красивого и умеющего пускать пыль в глаза парня и выскочила за него замуж. Тогда ей было девятнадцать. Через год в молодой семье появился ребенок. Старший брат Давида. А через девять лет детей было уже трое. Все мальчишки.

Мать в неполные тридцать выглядела на сорок с лишним, а отец как мальчик. Такой же красивый и свежий, как до женитьбы. Поэтому на него по-прежнему обращали внимание женщины. Особенно туристки. И он, как говорится, ни в чем себе не отказывал. Заводил интрижки с многими, с некоторыми вступал в длительные отношения, и они приезжали в Тбилиси регулярно. Одна из таких, москвичка, уже не юная, бездетная, отлично устроенная, так сильно влюбилась в отца Давида, что готова была принять его у себя в столице. Знала, что у него трое детей, и все равно позвала с собой, посулив многое, в том числе хорошее место. И тот сорвался! Жене и сыновьям сказал, что поехал на заработки и либо скоро вернется с мешком денег, либо перевезет семью в Москву.

О том, что он уехал туда с женщиной, матери сообщили спустя две недели. Она не поверила. За два дня до этого супруг ей звонил, говорил, что скучает по ней и сыновьям, но возвращаться не собирается, потому что уже стал зарабатывать и скоро придет денег.

Не стоит и говорить, что денег они так и не дождались. Как и других звонков. Отец просто пропал.

Семья осталась бы без кормильца, если бы папаша был таковым. По факту же на ее благосостоянии бегство отца никак не отразилось. Только на психике ее членов. Особенно остро предательство (а как иначе назвать отцовский поступок) переживала мама. Меньше всех Давид. Он был с отцом не особенно близок, в отличие от старшего брата, Зураба. А младшенький, Гиоргий, был слишком мал, чтобы понимать, что к чему. Когда отец бросил их, ему еще годика не исполнилось.

Соседи помогали семье, чем могли. Кто одежду отдаст, из которой дети выросли. Кто фруктов, овощей, сыра принесет, что сам вырастил и изготовил. Кто старую мебель или даже велосипед презентует. Могли бы продать это, но знали, как Ристави плохо живут. Вот и жалели...

Когда Гио исполнился год, мама вышла из декретного отпуска. Сына в ясли отдала. Гио, в отличие от крепышей братьев, родился болезненным. Перенес все младенческие хвори. А уж простужался так часто, что, казалось, дунь на него, тут же насморк начнется.

Когда малыш попал в ясли, все только ухудшилось. Мать не вылезала с больничного.

– Отправь мальчика в Кахетию к родственникам, – посоветовала ей подруга. – Горный воздух пойдет ему на пользу.

– Ни за что! – резко ответила та.

– Умерь гордыню. Не ради себя, ради сына.

– После того, как отец отрекся от меня?

– Что ты придумываешь? Не отрекался он...

– Отец сказал, если ты выйдешь замуж за этого прохвоста, ты мне больше не дочь! Как ты еще это назовешь? – кипятилась мама. – А я ведь пыталась наладить с ним отношения! Про гордыню свою забыла, когда Зура родился. Поехала с ним домой, да отец на порог меня не пустил. С мамой в саду разговаривала. Но и за это ей потом от папаши влетело. Ты не знаешь его – деспот! Всех домашних в страхе держит. Они по струнке у него ходят. Одна я посмела послушаться и сразу стала ему не дочь!

– Признай, что он был прав, повинись, и он простит.

– Нет у меня отца! – отрезала мама. – Он от меня отрекся.

Но ее подруга, тетя Карине, все же написала письмо бабушке Зуры, Давида и Гио. Объяснила ситуацию, в которой оказалась ее дочь. Женщина на послание ответила. Она была того же мнения, что и тетя Карине, и просила ее настоять на том, чтоб подруга повинилась перед отцом. Или, как она выразилась, упала ему в ноги. Зная, что этого не случится, Карине написала еще одно письмо и попросила бабушку Дато дать ей адрес кого-то из дальних родственников. Возможно, кто-то из них захочет помочь. Та не отказала. В итоге тетя Карине нашла Гио опекуншу. Это была двоюродная тетка матери. Она жила одна в горном поселке. Потеряв мужа еще в молодости, так больше замуж и не вышла. А ее единственный ребенок умер в младенчестве. Женщине было одиноко, и она с радостью согласилась приютить у себя двоюродного племянника.

И Гио отправили в Кахетию.

* * *

Старший брат Давида Зура был очень тихим, домашним мальчиком. Любил сидеть в детской, читать или рисовать. Он жил в своем собственном, очень непонятном Давиду мирке и чувствовал себя в нем комфортно. Единственное, что омрачало его существование, это отсутствие в доме пианино. Он очень хотел научиться играть. Но даже если бы в семье были деньги на покупку инструмента (такую дорогую вещь никто не отдавал даром), то в квартире все равно не нашлось бы для него места. А никакой другой инструмент Зура осваивать не желал.

Давид был совершенно другим. Дома ему не сиделось. Читать он не любил, а если рисовал, то только на фасадах домов, за что его пару раз выдрала мама. Велик, что соседи отдали Зуре (тот сел на него единожды и, упав, забросил), стал боевым конем Давида. Он называл его Казбеком. Точно такое же имя было у скакуна известного грузинского царя. На «коне» Давид объехал весь Тбилиси. Иногда в компании таких же неугомонных ребят, а зачастую один. Его друзей родители не всегда отпускали из дома, а он был предоставлен самому себе. Мама много работала, поэтому заботу о Давиде поручала Зуре. Но тому было не до младшего брата. Он отвлекал его от любимых занятий. Мешал читать фантастические романы и рисовать космические города. Поэтому Зура позволял Дато заниматься всем, что его душе угодно. Главное, чтоб возвращался вовремя, к приходу мамы. А та являлась домой не раньше десяти вечера.

Учился Давид плохо, в отличие от брата. Его еле тянули на тройки из сострадания к матери. Даже по поведению ставили «удовлетворительно», хотя большего хулигана среди ровесников и пацанов чуть постарше невозможно было сыскать. Мама порола его отцовским ремнем. Армейским, с пряжкой. И на ягодицах Давида синяки были в форме пятиконечных звезд. Но он все равно продолжал хулиганить, потому что не мог вести себя иначе.

Внешне братья тоже разительно отличались друг от друга. Старший пошел в предков матери-кахетинки. Был сероглазым и густобровым. Темно-русые брови срастались на переносице, придавая Зуре угрюмый вид. Он вообще был очень космат. Уже в двенадцать лет его тело стало покрываться густой шерстью, а щетина на лице доходила до глаз. Кроме этого, он был ширококостный, кряжистый. Давид же пошел в отцовскую породу. Тонкий, высокий, чер-

ноглазый с бровями, будто подщипанными умелой рукой. Отец не уставал повторять, что его мать из древнего княжеского рода. И он «экстерьером» в нее пошел. Так и Давид пошел в бабку-аристократку.

Младшенький Гио тоже больше на отца походил. Только волосики у него светлые были. И пышные. В доме его все Одуванчиком называли. Когда он, крохотный, двухлетний, бегал по двору за бабочками, казалось, сейчас пушок, что покрывает его голову, ветром унесет.

Перед его отъездом в Кахетию мама повела всех детей в фотоателье. Решила сделать общий снимок на память. Она села в центре, Зура встал справа, Дато слева, а малыш Гио занял место на маминых коленях. Его шевелюра закрыла ей подбородок, и на снимке она казалась бородатой. По этому поводу мать фото забраковала и не повесила на стену, хотя уже заготовила для него рамку. В нее вместо снимка была помещена миниатюра Зуры.

– Смотри, какой твой брат молодец, – не уставала повторять мама, отчитывая Дато за очередное хулиганство. – Пишет рассказы, рисует... А ты? Только бы напакостить!

Дато пожимал плечами. Он с ней не спорил. Да, брат молодец. А он разгильдяй. Это вещи очевидные.

– У Зуры грамоты, медали, дипломы... А что у тебя? Жалобы, штрафы... синяки и шрамы? Опять окно разбил! А мне плати за него. Свалился с дерева, изранился, да еще штаны продрал. Я на одном йоде скоро разорюсь, не говоря уже об одежде.

– Да ты ее не покупала, нам ее соседи отдали, – фыркнул Дато. – А йод тебе тетя Карине приносит из поликлиники, где работает.

– Поговори мне еще! – кипятилась мама. И снова принималась нахваливать старшего сына.

Зураба это смущало. А еще он опасался, что Дато его возненавидит. Какая детская психика выдержит такое? Мать постоянно восхваляла старшего сына, принижая среднего. А тот, хоть и хулиган и троечник, а все же не без способностей. Дато отличный спортсмен. Он бегал, прыгал лучше всех, отжимался больше всех, а в футбол играл так, что его к себе в команду брали парни-подростки. Но мама этих талантов Дато не замечала. Считала, что ему просто дурь девать некуда, вот он носится да скачет. А Зура брата, кроме того, что любил, еще и уважал. За многое. Но больше всего за смелость. Давид не боялся никого и ничего. Не то что Зура. Он страшился многого во внешнем мире. Поэтому и был домоседом.

Но к счастью Зуры, психика у Давида была крепкая. Он хоть и расстраивался, получая нагоняй, но к старшему брату относился с неизменной любовью. А еще он им гордился! Когда рассказ Зуры напечатали в «Пионерской правде», везде таскал газету с собой и показывал приятелям. И если кто-то выражал свое «фи»: в среде хулиганья «писак» уважением не пользовались, Дато отвешивал ему оплеуху.

Втроем они прожили восемь лет. Мама за эти годы сильно постарела и чувствовала себя неважно. Пахала в две смены, зарабатывала. Младший пусть и жил не с ними, а все равно на него уходили средства. Мама навещала сына два раза в год и всегда везла в Кахетию деньги и подарки. А как иначе? Спасибо, заботятся о ее мальчике, кормят, поят, но его же еще одевать надо, игрушки ему покупать, книги. И ей так хотелось его побаловать! Хотя бы подарками компенсировать свое отсутствие. Самосвалы, автоматы с вылетающими пулями, настольный хоккей – все это имелось у Гио благодаря маме. Он был ее самой большой любовью. Зура – гордостью. Дато – головной болью.

Двоюродная тетка скоропостижно скончалась, когда Гио исполнилось десять. Мама поехала в Кахетию, чтобы поздравить сына. Устроили застолье в его честь. Опекунша встала, чтоб сказать тост. Но едва начав, покачнувшись и выронила рог, наполненный красным вином. Все решили, что ей от жары стало плохо, тогда невыносимая стояла, и даже в горах люди от нее страдали, но оказалось, оторвался тромб. Не старая еще женщина умерла мгновенно.

После похорон мама с Гио вернулись в Тбилиси.

Оба старших брата не видели его с тех пор, как он уехал – всем троим представителям семейства Ристави в Кахетию кататься было накладно, вот мама и моталась туда одна. Да, были фотографии, и братья могли представить, как Гио менялся с годами, однако оба удивились, что он совсем большой. И не такой худенький и бледный, как раньше. Щечки круглые, розовые. Тельце крепкое. А вот волосы как были светлыми и пушистыми, так и остались.

Гио сразу потянулся к Зуре. Пожалуй, он характером был больше на него похож, чем на Дато. Такой же немногословный, погруженный в себя, мечтательный, неконфликтный, творческий. Вместе с братом рисовал, сочинял какие-то истории. Но он был подвижнее, энергичнее и иногда с Дато играл в футбол. И на Казбеке лихо гонял, получая его во временную аренду.

Что отличало Гио от братьев, так это любовь к животным. И Зура, и Дато были к ним равнодушны. Первый иногда гладил дворовых кошек, второй – собак, но оба не страдали от того, что в доме нет живности. Людям места мало, какие уж тут питомцы! А Гио очень страдал от того, что ему запрещено заводить пса, кота и даже хомяка. Вот и возился с бродячими животными. И вечно хватал от них лишай. А однажды он голубя с перебитым крылом подобрал. Сделал для него домик и начал выхаживать. Кормил птенчика изо рта в клюв и заразился какой-то болезнью. Не зря же голубей летающими крысами называют. Хорошо, что вовремя начали антибиотики колоть, а то мог бы и не выжить.

А мама, между тем, погруженная в труды и заботы, совсем позабыла о себе. Что за внешностью следить перестала, ладно, но она и здоровьем своим не занималась. Что-то заболит, она съест таблеточку – и снова в бой. Когда анальгетики перестали действовать, мама все же обратилась за советом к Карине, работавшей в регистратуре поликлиники. Та, отругав ее за наплевательское к себе отношение, отвела за ручку к врачу. Он назначил анализы. Получив результаты, доктор не мог поверить своим глазам.

– У нее две злокачественные опухоли! – сообщил он Карине. – Да такие огромные, что она не то что работать, ходить уже не должна. Рак мозга и шейки матки. Неоперабельный.

– Она что, умрет? – всхлипнула Карине.

– Она уже живет взаимы. Я бы сказал, что она должна была скончаться месяца два назад.

А до этого столько же провести в постели.

– Можно что-то сделать, чтобы продлить ее дни?

– Боли стали непереносимы, значит, конец близок. Мы можем только облегчить ее страдания.

– Ой... – только и смогла вымолвить Карине. Она плакала навзрыд.

– Нужно сообщить больной о диагнозе. Сама это сделаешь? Или хочешь, чтоб я?

– Сама...

Карине долго собиралась с духом. И все же решилась, приняв для храбрости три фужера вина и пузырек настойки пустырника.

– Ты серьезно больна! – выпалила Карине, когда они вдвоем уселись на кухне попить чаю.

– Я так и думала... Чем?

– У тебя рак.

– Это плохо, – вздохнула тяжело мать. – Операция, химиотерапия, реабилитация... Это ж на год затянется, не меньше?

– Опухоли неоперабельны. Ничего уже не поделаешь...

Мать закрыла глаза и просидела неподвижно минуты три. Осмысливала услышанное. Карине ей не мешала.

– Сколько мне осталось? – хрипло спросила у нее мама.

– Мало.

– Ясно. – Она открыла сухие глаза, встала со стула и начала готовить чай. Как ни в чем не бывало.

– Пока есть время, попытайся найти мужа, – посоветовала Карине. – Теперь не до гордости... – Она многие годы пыталась убедить подругу в том, что беглого мужа надо призвать к ответственности, хотя бы материальной. – В розыск подай. Пусть этого козла отыщут и заставят платить алименты через суд.

Но мама будто не слышала. Ее мысли текли в ином направлении. Заварив чай, она поставила чашки на стол и сказала:

– Детям о моей болезни ничего не говори.

– Сама это сделаешь?

– Да. Но не сейчас. Пусть побудут в счастливом неведении еще какое-то время.

– Они уже взрослые. И имеют право знать.

– Это мои дети, и я решаю, когда наступит для них время узнать правду.

Но правда сама выплыла наружу уже через неделю. Видимо, время, милостиво одолженное их матери госпожой-смертью, иссякло. И женщина, еще недавно казавшаяся здоровой, только сильно уставшей, стала на глазах меняться. Жизнь вытекала из нее, как песок в часах. Пусть тонкой стружкой, но без остановки. За семь дней она высохла так, что вещи повисли на ней, как на вешалке. И не болезнь сжирала ее изнутри. Вернее, не только она. Больше переживания. Как ее мальчики останутся без нее? Гио совсем еще ребенок. Зура только в университет поступил. А Дато без ее присмотра совсем испортится. Он уже крутится возле всяких сомнительных личностей. А что будет, когда ее не станет? Зура, пусть и совершеннолетний и вроде бы глава семьи, а на Дато влияния не имеет. Как оставить детей? На кого? Разыскать их отца, как советует Карине? Но если человек не вспоминал о своих сыновьях столько лет, значит, они ему безразличны. Максимум, чего можно добиться от него, это каких-то грошей, что отберет у него государство в их пользу. Наверняка ее муженек если и имеет официальную работу, то она минимально оплачивается. И еще не факт, что его найдут. А мальчишкам нужен неравнодушный к ним человек. Карине с этой ролью справится лучше, чем непутевый папаша. А ее она уже попросила приглядывать за мальчиками...

– Мама, ты больна? – спросил у нее Дато как-то за завтраком. В это время они были дома одни. Зураб в университете, Гиоргий в школе, а Дато учился во вторую смену.

– С чего ты взял?

– В зеркало на себя посмотри.

– Устала просто.

– Мы давно заметили, что с тобой не все в порядке. Первым Зура. Ты же знаешь, какой он чувствительный. И Гио такой же. Он все спрашивает, что с мамой. И никто из них не решался задать этот вопрос тебе.

– А ты у нас самый смелый в семье?

– Выходит, так.

– Вот почему ты так много хулиганишь. Потому что наказания не боишься?

– Мама, не уходи от темы.

– Я просто устала, – упрямо повторила она. – Доедай кашу, я посуду помою!

Это были последние слова, которые Давид услышал от матери. Произнеся их, она упала на пол.

Скончалась она, не приходя в сознание, спустя два дня. Доктора говорили, повезло. Ей не пришлось испытать адских мук.

Зура был совершеннолетним, и Дато с Гио оставили при нем. Помогала тетя Карине. Служба опеки приглядывала. Жили они на пособие да на то, что удавалось выручить от продажи картин Зураба. Давид «толкал» их туристам на площади Ленина.

Они худо-бедно справлялись. Но вскоре их семью постигла еще одна утрата... Пропал Гио.

Без вести!

Его искала и милиция, и Дато, пользуясь своими связями, но...

На след брата никому выйти не удалось.

Одуванчика как будто унесло ветром...

Тетя Карине тоже исчезла из их жизни. После того как погибла ее единственная дочь, женщина впала в депрессию и отдалилась от чужих сыновей... Что они ей, когда своя кровь и плоть лежит в земле?

Дато и Зура держались друг за друга какое-то время, но и их судьба развела. Старший Ристави остался в Тбилиси, Дато уехал в Москву.

...С тех пор прошло двадцать лет, и за это время братья ни разу не виделись.

Глава 3

Вот и знакомый двор. Точно такой же, как раньше, ни капли не изменился. Те же балкончики, веревки с бельем, крутые деревянные ступени, по которым ночью подниматься крайне рискованно, потому что света во дворе как не было, так и нет. Рассматривая его сейчас, поздним вечером, Давид подсвечивал себе фонариком на телефоне.

«Интересно, кто из старых жильцов до сих пор здесь живет? – подумалось ему. – Наверное, те, кто не умер, поразъехались, и теперь двор населяют люди, которых я не знаю?»

Но тут взгляд его упал на балкон прямо над аркой. На нем стояла ножная швейная машинка «Зингер». Он очень хорошо ее помнил. А еще лучше – хозяйку машинки тетю Розу. Их двор был многонациональным, как и весь Тбилиси. В нем жили и русские, и грузины, и армяне, и евреи. Тетя Роза относилась к последним. Называла себя представителем Богом избранного народа, но ни разу не посетила синагогу, находящуюся всего в десяти минутах ходьбы от их дома. Больше всего времени она проводила на своем балконе за машинкой. Строчила на ней с утра до вечера, болтая с соседями, ругая дворовую детвору, сплетничая с продавцами мацони, приносящими во двор новости со всех близлежащих улиц. Свой «Зингер» тетя Роза никогда не убирала с балкона. Зимой закрывала колпаком и укутывала полиэтиленом. А по весне, распаковав, протирала, смазывала, собственноручно отлаживала. Тетя Роза ухаживала за машинкой с таким трепетом, как некоторые за домашними животными. Сейчас «Зингер» стоял на балконе расчехленный. Значит, тетя Роза до сих пор живет в доме и все еще дееспособна. А ведь ей, по его подсчетам, лет девяносто.

Давид сделал несколько шагов по направлению к лестнице, что вела в правое крыло здания. Последний раз он ступал на нее двадцать лет назад. Тогда он спускался, покидая родной дом. А теперь поднимался, чтобы туда попасть...

Если ему, конечно, откроют!

Дато ждал сюрприз. Дверь оказалась новой, железной, вполне современной, а не такой, как раньше, деревянной, с намалеванным краской номером и ручкой, сделанной из согнутого гигантского гвоздя. Давид остановился возле нее и прислушался. Тихо. И окна темные. Наверняка никого нет. Потому что тот, кто по предположению Дато обитал в квартире, был совой и не мог спать в столь ранний час. Он ложился в два, три утра, а сейчас нет еще и полуночи.

И все же Давид постучал. Именно постучал, а не позвонил. Та-та-та-та, так он всегда колотил в дверь, будучи ребенком.

Вдруг из квартиры донесся грохот. Значит, в ней кто-то есть!

Через секунду дверь распахнулась, и Дато увидел на пороге своего старшего брата. Он тер локоть и морщился от боли.

– С испугу ударился о стену, – сообщил Зура. – Задремал только, а тут стук!

– Привет, брат.

– Здравствуй.

– Можно войти?

Зура кивнул и посторонился.

Вот так обыденно встретились братья после долгой разлуки.

Зураб запер дверь, подошел к настольной лампе и зажег свет. Дато смог рассмотреть обстановку комнаты (дверь во вторую была закрыта). Она тоже почти не претерпела изменений с тех пор, когда он был здесь в последний раз. Мебель та же и на прежних местах. Только телевизор на тумбе другой, да вместо допотопного радиоприемника на подоконнике стоит раскрытый, но «спящий» ноутбук.

– Присаживайся, – сказал Зура и указал на стул. – Я сейчас...

Он вышел на балкон и вернулся с бутылкой и парой яблок. Молча достал с полки стаканы и разлил по ним спиртное. В нос Давиду ударил запах домашней чачи.

– За встречу! – поднял стакан Зура и, не чокнувшись с братом, выпил. Дато последовал его примеру. – Закуси! – Он протянул ему яблоко. Давид схватил его и вгрызся зубами в сочную мякоть. Давно он не пил таких крепких напитков – в чаче было не меньше шестидесяти градусов.

– Как дела? – спросил он.

Зураб пожал плечами. Затем проговорил:

– А ты изменился.

– Ты тоже...

Давид помнил старшего брата худощавым, хоть и ширококостным, с растрепанными волосами русого цвета и светлым мечтательным взглядом. Теперь Зураб стал мужчиной с мощными сутулыми плечами и округлым животом, натянувшим трикотаж майки. На голове короткий седой ежик. Залысины. Глаза тоже изменились. Стали свинцовыми: потемнели и утратили блеск. Когда Зура смотрел из-под сросшихся бровей, взгляд его казался не угрюмым, как когда-то, а враждебным.

– Я постарел, знаю, – буркнул Зура и плеснул в стаканы еще чачи.

– Да я не об этом...

Хотя брат прав, он постарел. Густая седина, глубокие морщины добавляли ему пять, семь, а то и десять лет, и Зура выглядел не на свои сорок два, а на пятьдесят.

– А ты все как мальчишка, – хмыкнул он. – Да красивый такой... Что с носом сделал?

– Сломал, пришлось оперировать.

– Кольца на пальце не вижу. Не женат?

– Нет. А ты?

– Смеешься? – криво усмехнулся Зура. – Кому я нужен? – Он поднял стакан и поднес ко рту, но Давид остановил его:

– Постой, а тост?

– На хрен! – по-русски рыкнул брат и опрокинул в себя чачу.

Дато сделал небольшой глоток и отставил стакан. Пить он больше не хотел. И так за сегодняшний день влил в себя дикое количество алкоголя, да еще и разного намешал. Завтра голова будет чугунной.

– Как ты живешь, брат? – спросил Давид.

– Нормально.

– Все пишешь?

– Нет.

– Даже для себя?

– Тем более для себя. На продажу я бы написал. Да никому это не нужно.

– Чем же на жизнь зарабатываешь?

– Грузчик я.

Так вот откуда литые мышцы! Раньше-то Зура тяжелее кисти ничего в руках не держал.

– Много пьешь? – полюбопытствовал Давид. Живот у Зураба был характерный. Такие обычно не у обжор вырастают, а у любителей алкоголя. Особенно пива.

– Не так чтобы очень... Как все!

– С каких пор тебя стало это устраивать?

– Что именно?

– Быть таким, как все.

Он не ответил, вместо этого выпил.

– Надеюсь, ты не хочешь здесь переночевать? – спросил Зура после.

– Нет. Я остановился в отеле.

– В пятизвездочном, конечно.

– Нет, в четырех...

Давид встал, подошел к дивану, над которым висела картина. Море, горы и парусник, плывущий по лунной дорожке и готовый с ней слиться. Сунув руки в карманы, Дато стал всматриваться в морской пейзаж. В детстве он мог подолгу этим заниматься. А все потому, что постепенно картина оживала. Кораблик начинал скользить по волнам, растворяясь в лунном свете, и скрывался за горизонтом или... взмывал в небо?

Сейчас волшебства не произошло. Воображения взрослого не хватило для этого. Но Давид отметил про себя, что пейзаж все равно ему нравится. Хорошо написан.

– Больше не рисуешь? – бросил он через плечо.

– Нет.

– Зря. У тебя талант. Мог бы продавать картины на улице. Я видел: на площади Свободы сидят художники со своими работами. Помнишь, я толкал там твои пейзажи? Только тогда площадь носила имя Ленина. Но меня гоняли менты. Теперь же все официально, насколько я понимаю...

Зура молчал, и Дато обернулся, чтобы посмотреть ему в лицо. Но тот стоял спиной к нему. Давид решил, что снова пьет. Зураб стоял у стола, оперевшись на руки. Голова опущена на грудь. Плечи подрагивают...

Плачет?

– Брат! – окликнул его Дато. – Что с тобой?

Зураб обернулся. Глаза сухие, рот искривлен...

Он смеялся!

– Ты ничего не понимаешь, да? – заговорил он. – Как мы тут жили все это время и как сейчас живем? Свалился со своей радужной планеты в скафандре, шитом из лепестков-лейблов, и думаешь, ах, как тут здорово! А тут не здорово, инопланетянин! Здесь под зеленой травой выжженная войной земля, за красивыми фасадами – руины, за улыбками людей боль...

– Все же зря ты перестал писать, – спокойно заметил Дато. – Скафандр из лепестков-лейблов – сильно сказано. Опять же твоя любимая тематика – фантастическая. Ты остаешься верен любимому жанру. Только об одном забыл, брат, ты тоже мог улететь с этой планеты на другую. И сделать ее радужной. У тебя было больше шансов, чем у меня.

– Зачем ты приехал?

– Соскучился по родному городу...

– Не в Тбилиси – сюда! – грубо перебил его брат.

– Ты не дал мне договорить, – поморщился Дато. – Я соскучился по родному городу, улице, дому, двору, квартире. По прошлому своему... – И добавил с запинкой: – Частью которого являешься ты...

– То есть ты был уверен, что застанешь меня здесь?

– Нет. Ты мог быть где угодно. Но я знал, что еще год назад ты проживал в этой квартире.

– Откуда?

– Я долго готовился к поездке сюда. Морально, я имею в виду. Но как только планировал ее, сразу какие-то дела наклеивались. Их можно было отложить. Но я хватался за них, чтобы найти причину не поехать. В прошлом году я решил и забронировал билеты. А еще попросил одного из своих друзей-грузин, не потерявшего связи с родиной, узнать, кто сейчас живет в нашей квартире. Сообщили, что ты. Спросили, хочу ли я узнать подробности о тебе. Я ответил отрицательно. Думал, что у тебя все хорошо.

– У человека, живущего в такой хибаре, разве может быть все хорошо? – фыркнул Зура.

– Я не знал, что тут все по-прежнему. Наша улица – одна из артерий сердца Тбилиси. То есть район – супер. Дом старинный. Над аркой даже мозаика девятнадцатого века сохранилась. Это офигеть, как круто, жить в историческом центре в доме дореволюционной постройки. В

Москве, как и в тех европейских столицах, где я бывал, это могут себе позволить только богатые люди. Я думал, тут все отреставрировано, перестроено, обновлено в техническом плане. Как на Руставели, например, или у бань. Я прогулялся по улицам. Красота кругом.

– Я не зря сказал, что за фасадами скрываются руины, – пожал мощными плечами брат и вернулся к основной теме разговора. – Почему же ты не приехал в прошлом году? Опять струсил?

– В тот раз нет. Не получилось реально.

Зураб даже не стал делать вид, что поверил. Он сел за стол и выпил еще чачи. Дато видел, что он вливает ее в себя через силу, не получая удовольствия, хлещет виноградный самогон. И ведь не законченный алкаш. Те пьянеют мгновенно. А Зураб чуть захмелел и продолжает накачиваться...

Неужели приезд брата так его взбудоражил?

– Я скоро уйду, – сказал Дато. – Но хочу спросить перед этим...

Густые брови Зуры взметнулись вверх.

– Если б я захотел остаться у тебя, ты бы меня выгнал?

– А... Вот ты о чем... – Он покосился на бутылку, но пить не стал. – Выгнать не выгнал бы, но... Убедил бы тебя тут не оставаться.

– Причина?

– Мне тебя положить некуда. Знаю, по законам гостеприимства я обязан уступить тебе постель, а сам лечь на полу, но у меня спина надорвана, ей комфорт нужен.

– А что с остальными кроватями? Их было три.

– Две, деревянные, я давно сжег, когда мы тут без света и тепла сидели.

– А железная?

– Занята.

– Так у тебя... Кто-то?.. – Дато указал на закрытую дверь соседней комнаты.

– Да.

– Что ж... Мне пора.

– Не спросишь, кто занял нашу мальчишескую спальню?

– Думаю, это не мое дело.

– Ошибаешься. Это дело и твое тоже.

– Не понял...

– Сейчас поймешь.

С этими словами Зураб шагнул к двери и открыл ее.

Это была их детская... Дато помнил каждый ее сантиметр. Именно сантиметр, потому что комната была крайне мала. Десять квадратных метров от силы. В квартире Давида сейчас ванная больше, и ему в ней порой не хватает места. А в детской они обитали когда-то втроем. И каждый сантиметр имел значение. Например, Зура мечтал иметь отдельный стол, чтоб рисовать за ним, он был согласен даже на табурет. Если усесться на пол, то можно удобно разместиться, и братья не будут ему мешать (они делали уроки за одним столом, постоянно толкаясь локтями). Не хватало сантиметра, чтобы стол вошел между кроватями, а другого свободного пространства не было.

Но сейчас в комнате оказалось довольно много места. В ней осталась одна кровать и письменный стол, тот самый, за которым они толкались локтями. На нем вместо книг, альбомов и всякого хлама, таскаемого в дом Гиоргием, грудой были навалены вещи: одежда, рюкзак, какая-то котомка весьма потрепанного вида. На кровати же лежал мужчина. А Дато подумал, что у Зуры девушка ночует.

Он вопросительно посмотрел на брата.

– Не узнаешь? – спросил тот.

Дато присмотрелся к мужчине. Лампы они не включали, однако благодаря свету, попадающему из соседней комнаты, лицо можно было рассмотреть. Черты правильные, привлекательные. Но общее впечатление не самое приятное. Лицо уж очень сильно осунувшееся, напряженное даже во сне. Как будто человека, лежащего на кровати, терзают какие-то страшные воспоминания или физическая боль, не отпускающая ни на миг. Дато не знал, кто это.

– Да, я тоже не узнал сначала, – сказал Зура. – Хотя он не сильно изменился. Даже волос не растерял, хотя мы думали, что он будет лысым.

У спящего были светлые кудри: то ли от природы белокурые, то ли седые.

– Да приглядишься ты! – рассердился Зура.

Но Давид, как ни старался найти в мужчине знакомые черты, не смог. Устав ждать его прозрения, Зура воскликнул:

– Это Гио, твой младший брат!

И тут Давид узнал брата, хотя Гиоргий изменился кардинально. Да, черты прежние, волосы, но выражение лица... Оно было таким открытым раньше, таким радостным и... чистым! Лицом человека, не знающего бед, ненависти, боли. Без печати страдания...

... Чистым, как белый лист бумаги.

А Зураб, как настоящий художник, смог мысленно стереть все мрачные мазки, что нанесла на него жизнь, и увидеть его прежним... Незамаранным.

– Где он был все эти годы? – спросил Давид.

– Не знаю.

– Не спрашивал?

– Спрашивал, конечно. Но Гио не помнит, у него амнезия.

– Совсем ничего?

– Практически. Только некоторые картины прошлого. Например, вспомнил, где жил. И пришел сюда. Но имя свое забыл, как и фамилию. Меня не узнал.

– Когда он пришел?

– Позавчера. Я услышал стук в дверь, открыл, а на пороге он. Секунду я смотрел на незнакомца, пока не узнал в нем младшего брата. Я так обрадовался! Полез обниматься, а он как шарахнет от меня... Испугался. Я стал успокаивать его, сказал, что я его старший брат. И он вдруг задумчиво проговорил: «Да, кажется, у меня были братья...»

Зураб говорил довольно громко, и Давид побоялся, что он разбудит Гио. Поэтому приложил палец к губам, призывая поутихнуть, но тот отмахнулся:

– Он не проснется! Я дал ему снотворное.

– Зачем?

– Он не может нормально спать. Стоит ему задремать, как он вскакивает с криком. Какие-то кошмары мучают.

– Бедняга.

– Да, жизнь его не щадила. На теле шрамы. Голова пробита в двух местах. Очень худой.

– Документы при нем есть?

– Нет.

– А что в мешке и рюкзаке?

– Барахло одно. Такое ощущение, что он по помойкам собирал более-менее целые вещи.

Но выбросить все это он не дает.

– Давно он спит?

– С пяти вечера. Я как пришел с работы, так ему таблетку и дал.

– Ты проверял, с ним все в порядке?

– А что с ним будет?

– Как-то уж очень спокойно он спит для человека, мучимого кошмарами.

– Снотворное сильное.

– Я тоже принимал его после аварии. Но, когда спал, все равно ворочался и постанывал. Давид сделал шаг по направлению к Гиоргию, но Зура остановил его.

– Не надо. Разбудишь еще! А мне хотелось бы спокойно поспать. Он же не даст.

Но Дато не стал слушать брата и подошел к кровати. Гиоргий спал, поджав под себя ноги и сложив на груди руки. Голова опущена на грудь. Спина согнута...

Поза зародыша.

В детстве он спал, широко раскинувшись. Будто загорает, подставляя тело под ласковые солнечные лучи. А еще улыбался, даже когда болел, потому что ему всегда снились радостные сны. Он любил по утрам рассказывать их братьям. И Зура написал фантастический рассказ о мальчишке, который своими радужными снами спас мир от Апокалипсиса.

Дато опустил на корточки, заглянул в лицо Гио. Очень бледное. Но морщин нет. То есть это не они «замарали» его лицо...

– Ну, что? Все в порядке? – окликнул его Зура. – Пошли тогда. Мне спать пора. Я встаю рано.

– Секунду.

– Завтра приходи. В пять.

– Он не дышит, – сказал Дато, склонившись над братом.

– Брось!

– Он мертв, Зура. – Коснувшись пальцами шеи, добавил: – И уже остыл.

– Выходит, пришел домой умирать? Чувствовал, что конец близок?

– Я так не думаю, – возразил Дато, встав и обойдя кровать.

– Ты не видел его живым. Он был как полутруп. Какая-то смертельная болезнь явно его точила.

– Возможно, но умер он не от нее.

– Откуда ты знаешь?

– Включи свет, пожалуйста.

Комната тут же осветилась.

– А теперь подойди и взгляни на тело.

Зураб приблизился к кровати. Дато молча указал на спину брата. Войдя в комнату, они не видели ее. Гиоргий лежал лицом к двери. Когда Давид приблизился к кровати, не сразу рассмотрел то, что бросилось бы в глаза, если б в комнате было светло. А именно: кровавые пятна на светлой простыне.

Теперь, когда Зура включил свет, он мог точно сказать, откуда вытекла кровь. Из ран на спине младшего брата. Их было несколько. Все огнестрельные.

– Его что? Убили? – хрипло пробормотал Зура.

– Да. И, похоже, я знаю – кто.

– И кто?

– Ты, брат...

Глава 4

Прошлое...

Он мчался по проспекту Руставели на своем Казбеке. Ветер свистел в ушах. Давид, набрав скорость, распрямил ноги, раскинул руки и ехал стоя, подобно всаднику из цирка. Их с классом водили на представление, и Дато так впечатлили джигиты, лихо скачущие по арене на своих жеребцах, что ему сразу захотелось стать таким же. Но коня у него не было, и Давид решил научиться проделывать трюки на своем велике. Пока ему удавалась только езда без рук и стойка. Но он намеревался научиться «гарцевать» на своем Казбеке, поднимая его на дыбы, и перепрыгивать через преграды точно так, как циркачи на скакунах.

Давид долетел до здания театра, дальше дорога шла немного под уклон, и он собирался проехать по инерции еще метров сто, а затем лихо развернуться. Но тут из-за колонны, поддерживающей мощный козырек над крыльцом, вынырнула девочка. Дато едва не сшиб ее. Хорошо вовремя заметил и затормозил. Благо, это у него отлично получалось. Он умудрялся резко останавливаться и не падать с велика.

– Смотри, куда прешь! – закричал на девочку Дато. Он очень испугался за нее.

Та часто-часто заморгала. Глаза у нее были небесно-голубые. А ресницы и брови черные, в отличие от рыжеватых волос.

– Чего вылупилась? Ворон, говорю, не считай. На дорогу гляди!

Девочка, на первый взгляд, ровесница Дато, прикусила нижнюю губу. Рот у нее был слишком крупным для узкого личика. И ярким. Он контрастировал с молочно-белой кожей точно так же, как и брови с ресницами.

– Только не реви! – взмолился Дато, ненавидящий девчачьи слезы.

– Я не понимаю, – прошептала девочка по-русски.

– Ты не местная, что ли? – спросил он, перейдя на ее язык. Он знал его вполне прилично. Среди его друзей было два русских пацана. Да и в школе они начали этот язык изучать.

– Нет, мы в Тбилиси две недели назад переехали. Но по-грузински я пока не понимаю. И город знаю плохо. Заблудилась я...

– Где ты живешь?

– На Плеханова.

– Так это недалеко.

– Знаю. Но никак не могу дорогу домой найти. Я без спросу ушла...

– Без спросу? – удивился Дато. Девочка показалась ему настоящей паинькой, такие родители во всем слушаются.

– Да, – с вызовом ответила она. – Я слышала, что при театре драматический кружок для детей есть. Хотела записаться. Родители обещали меня сводить, но им все некогда. Вот я и не выдержала, одна пошла. Вернее, побежала, пока никого дома нет. А теперь не помню, где он, дом. Стою тут уже десять минут и никак не вспомню, в какую сторону идти.

– Я покажу тебе. – Девочка просияла, рот растянулся до ушей. Настоящая обезьянка. Но Давиду все в ней нравилось, включая улыбку. – Ты записалась в кружок? – спросил он.

– Мне сказали, что грузинский язык знать надо. А меня в русскую школу отдали. И я ничего не знаю по-вашему. Только «хо» и «ара». «Да» и «нет». А мне языком владеть надо, потому что я артисткой стать хочу. А ты кем?

– Наездником. В цирке выступать.

– Здорово! – восхитилась она. – Тебя как зовут?

– Давид. Дато. А тебя?

- Мария. Маша.
- Маш, ты номер дома своего помнишь?
- Да. Сорок.
- Тогда садись на раму, поехали. Домчимся за пять минут.
- Нет, давай не так быстро... Я боюсь!
- Ладно, я потихоньку поеду.
- Может, лучше пешком пойдём?

Давид не стал спорить. Пешком так пешком. Тем более его верный скакун мог в любой момент захромать. Иначе говоря, колесо часто спускало, и не факт, что не сдуется стремительно, едва Маша усядется на раму.

– А вы откуда приехали? – поинтересовался Дато, взяв Казбека «под уздцы» – за руль то есть.

– Из Москвы. Папу моего министром пищевой промышленности Грузии назначили и перевели сюда. Он рад. Мама тоже. Такое повышение! А я здесь несчастна. Все новое, незнакомое...

- Привыкнешь. У нас хорошо.
- Жарко, – вздохнула она тяжело. – Конец апреля, а уже дышать нечем.
- Это только на проспекте. А если чуть выше подняться... – Он остановился, развернулся и показал на Мтацминду. – Была там?

Маша отрицательно мотнула головой.

- Там знаешь, как прохладно? Даже в жару. А вид какой! Хочешь, сейчас туда поедем?
- Нет, мне домой нужно, – неуверенно проговорила она.
- Тебе все равно влетит за то, что ушла без спросу.
- Да, но если я ненадолго задержусь, меня просто отругают...
- А если надолго?
- В угол поставят.

Давид фыркнул. Подумаешь!

- Мы недолго? – с надеждой спросила Маша.
- За час управимся.
- Тогда поехали! – азартно выкрикнула она.
- Уже не боишься?
- Боюсь. Но все равно... – И смело запрыгнула на раму.

Давид забрался в седло. Казбек закричал. «Только не развались, – мысленно взмолился Дато. – И не захромай, пожалуйста... А то не доедем, там же в гору...»

Они благополучно добрались до горы. Давид бросил велосипед и взял Машу за руку.

– Сейчас в гору подниматься будем. Держись за меня. А то упадешь и испачкаешься... – На ней был белоснежный костюмчик с яркими кармашками. Дато такие наряды только по телевизору видел на девочках из иностранных фильмов.

Маша кивнула. Лицо у нее в этот момент было очень серьезное и сосредоточенное. Как будто ей предстояло покорить Эверест. Давид улыбнулся ей ободряюще, и они полезли в гору.

На Маше были красные туфельки с золотыми пряжками и белые гольфы. И то, и другое тут же покрылось пылью. Но она, казалось, этого даже не заметила, упорно взбиралась по тропе вверх. Ее ладошка вспотела, и Давид боялся, как бы она не выскользнула из его руки. Но все закончилось благополучно, и они поднялись на излюбленное место Дато. Оно находилось не на самом верху, но вид с него открывался не хуже.

- Ну, как? – спросил Давид у Маши.
- Здорово! – восхитилась она, обозрев панораму.
- Присаживайся. – И он указал на поваленное дерево, которое использовал вместо лавочки. – Отдохнем и будем спускаться.

Они сидели, глядя на Тбилиси сверху. Давид показывал ей на крыши некоторых домов и купола церквей и рассказывал о них. Его отец был гидом, и мальчик многое знал о своем городе. Маша слушала его с интересом. А когда речь зашла о ресторане у телевизшки, где подавались вкуснейшие пончики (отец пару раз водил сыновей туда), девочка захлопала в ладоши и воскликнула:

- Обожаю пончики! Пойдем туда?
- Пешком долго подниматься. На велосипеде тоже. На фуникулере надо.
- Поехали на нем!
- Ты же домой хотела через час попасть.
- Все равно влетит, ты же сам говорил!
- Да, но...

Давид замялся. Ему стыдно было признаться, что поездка на фуникулере и покупка пончиков для него непозволительная роскошь. Его карманы были совершенно пусты.

– У меня пять рублей есть! – сообщила Маша, вынув из красного кармашка на груди купюру. Она как будто прочитала его мысли. – Давай их промотаем!

В желудке Давида было совершенно пусто, как и в карманах. Он умирал от голода. Но даже если бы был сыт, не отказался бы от пары пончиков с заварным кремом и стакана молочного коктейля. Пяти рублей им хватило бы и на подъем, и на пир...

Но он не мог позволить девочке заплатить за себя! Это не по-мужски.

- Нет, давай вернемся. А пончики есть пойдем в следующий раз.
- Хорошо, – тяжело вздохнула она.
- Мы грязные оба, посмотри! Да и тебя дома заждались. Волнуются.
- Ты прав. Давай спускаться?

Давид кивнул и, взяв Машу за руку, последовал к тропе.

Они быстро спустились, сели на велик и поехали к Машиному дому. Улица Плеханова была застроена красивыми зданиями разных эпох: как старинными, дореволюционными, так и более-менее современными, построенными в сороковых-пятидесятых годах двадцатого века. Маша жила во внушительном сталинском доме с колоннами. Когда Давид затормозил у ее подъезда, из него выбежала красивая женщина с заплаканным лицом. Увидев ребят, она бросилась к ним. Давид понял, что это мама его новой подруги.

– Маша! – закричала она. – Ты что творишь? Я уже в милицию звонить хотела!

– Мама, успокойся, пожалуйста. Со мной все в порядке.

– Я же запретила тебе уходить далеко от дома! Во дворе гуляй, пожалуйста, но шастать по незнакомому городу опасно!

– Как он станет знакомым, если дальше двора и школы, которая по соседству с нашим домом, ты мне запрещаешь ходить?

– Я все расскажу отцу!

– А я позвоню бабушке и сообщу ей, что вы меня взаперти держите! – Маша топнула ногой. Ее некогда белый гольф тут же сполз до щиколотки, явив взору Давида грубый шрам на голени. – И попросу, чтоб она меня забрала к себе!

Лицо Машиной мамы еще больше помрачнело.

– Не впутывай бабушку, – воскликнула она. И только тут заметила Давида. – А что это за мальчик с тобой?

– Его зовут Дато. Он показал мне город. И многое о нем рассказал. Вот ты, мама, знала, например, что свое название Тбилиси получил благодаря теплым и горячим лечебным источникам? «Тбили» в переводе с грузинского означает «теплый».

– Это все очень интересно, но тебе, Маша, пора учить уроки.

– Мы что, Давида даже лимонадом не угостим?

– Нет, спасибо, я не хочу, – торопливо выпалил мальчик. Он представил себя грязного, в линялой одежде в хоромах москвичей и засмутился. – Я поеду. Мне тоже уроки нужно учить.

– Подожди! Оставь мне свой телефон, я тебе позвоню, – попросила Маша.

– Лучше ты мне свой.

Маша продиктовала номер, Давид запомнил. В их дворе телефон имелся только у одной семьи. К ним все соседи бегали звонить. Теперь и Давид будет навещаться, чтобы с Машей связаться.

Они распрощались, и Дато поехал домой. Теперь он не мчался. И не трюкачил. Просто крутил педали, думая о Маше...

Какая она все же замечательная! Умная, красивая, открытая... и не зазнайка!

Давид относился к категории пацанов, которые мало интересовались девочками. У него не было ни дам сердца, ни подруг, ни сестер. Он избегал женского общества. Чувствовал себя в нем некомфортно. Не знал, как себя вести, о чем говорить. Ведь девочки так отличались от пацанов. Но Дато никогда не обидел ни одну из них. Даже противную Зойку, сестру его друга Серого, которая вечно его задирала.

И вот появилась Маша...

Ему хотелось позвонить ей в тот же вечер. Но Дато сдержался. Однако утром, придя в школу, он забежал в кабинет завуча (видел, что тот вышел и там никого не осталось) и набрал заветный номер. Ему не ответили...

Как и днем! Дато решил, что неправильно запомнил номер, и сразу после школы, оседлав Казбека, поехал к Машиному дому. Он провел у подъезда несколько часов, да только напрасно. Девочку он так и не увидел. Он уже решил, что она пригрезилась ему. Но женщина, вышедшая из подъезда, подтвердила, что в дом вселилась русская семья, приехавшая из Москвы, и в ней есть девятилетняя девочка.

Дато вернулся домой только поздним вечером. Тут же получил нагоняй от мамы, но это его расстроило меньше всего. Хуже, что он так и не увидел Машу.

– Что с тобой такое? – спросил Зура, заметив странное состояние брата. – Натворил что-то?

– Нет.

– Заболел?

– Нормально все...

– Не похоже, – покачал головой Зураб. – Я тебя таким потерянным всего два раза видел. Первый, когда ты разбил окно в кабинете директора и маму в школу вызвали, а ты ей об этом сказать боялся...

– А второй?

– Когда ангиной заболел, но терпел боль, потому что иначе тебя бы на футбол не отпустили. Так что с тобой?

– Ничего, – упрямо мотнул головой Дато. – Тебе кажется...

Даже брату он не мог признаться в том, что влюбился. Да что там брату... Самому себе!

Чтобы избежать дальнейших расспросов, он тут же улегся в кровать. Но уснуть долго не мог. Думал и думал о Маше, и сердце его колотилось при этом так, что казалось, грохот его разбудит не только брата с матерью, но и весь дом. Забылся он только под утро, и снилась ему Маша. Дато вез ее на Казбеке. Но это был не старый велик, а молодой породистый скакун, как у древнего тифлисского царя. Волосы Маши были распущены, их трепал ветер, и Дато ощущал их аромат...

Когда проснулся, оказалось, что мама компот варит и по квартире разносится запах кураги, яблок и инжира. Именно этими фруктами пахли духи Маши в его сне.

Днем он снова звонил и ездил к ее дому. Но опять с нулевым результатом. Маша «нашлась» только через день, в понедельник, уже ни на что не надеясь, Дато набрал заветный номер и услышал знакомый голос:

– Алло.

– Здравствуй, это Дато.

– Ой, как я рада тебя слышать! Привет!

– Я звонил тебе все дни. Но никто не брал трубку...

– Мы уезжали в Кахетию. Если б ты мне свой номер оставил, я бы предупредила.

– У меня мама оттуда родом.

– Ой, мне так там понравилось! Красота!

– А ты что же, школу прогуляла?

– Да я все равно всех своих одноклассников по знаниям превосхожу. Учительница сказала, что меня сразу можно в четвертый класс переводить. А я не хочу. Я на следующий год в грузинскую школу пойду. За лето научусь немного языка и переведусь.

– Хочешь, я помогу тебе с грузинским?

– Было бы здорово!

– Давай сегодня на фуникулере покатаемся? Потом пончиков поедим!

– Сегодня не смогу. Мама скоро вернется и не разрешит. А вот завтра она поздно домой придет, и я весь день свободна. Заедешь за мной в школу?

– Во сколько?

Она сказала, и они, еще немного поболтав, распрощались. Дато, положив трубку, сунул руку в карман и достал деньги. Тут были и бумажные рубли, и мелочь. Копейки он выручил, сдавая бутылки, что находил на улице, а крупные (по его меркам) купюры получил от одноклассника, продав ему свою единственную ценность – нож с десятью выдвижными лезвиями. Отец подарил на день рождения. Дато очень им дорожил не потому, что это папашин презент, нет. Просто такого ножа больше ни у кого из его знакомых не было, и он хоть чем-то мог похвастаться. Многие ребята хотели его выменять на что-нибудь или купить, но Давид не желал расставаться со своим сокровищем. До вчерашнего дня. Когда Лаша Кададзе в очередной раз предложил ему деньги за ножичек, Дато согласился на сделку. Так что теперь ему есть на что угостить Машу пончиками и коктейлем.

Он заехал за ней на следующий день и удивился, что девочка не вышла из школы вместе со всеми. Он прождал ее пятнадцать минут, но Маша так и не появилась. Опять уехала? Или заболела? А может, после уроков оставили? Но за что? Его-то постоянно задерживали то за плохую успеваемость, то за безобразное поведение. А Машу за что?

Дато слез с Казбека и зашел в здание. Уроки уже закончились, и коридоры были пусты. Он прошелся по ним. Потом поднялся на второй этаж, чтобы забежать в туалет, и тут услышал голос Маши.

– Отстань от меня, пожалуйста, – умоляла она кого-то.

– Не отстану, – басовито отвечали ей. – Я же предупреждал...

Дато завернул за угол и увидел прижатую к стене Машу, над которой возвышался пацан лет двенадцати. Он наматывал ее хвостик на кулак и ухмылялся.

– Руки от нее убери! – приказал Давид.

– Чё? – Пацан повернул голову и с презрением уставился на Дато. Тот, конечно, не выглядел сильным соперником, младше гораздо, ниже, худее. Кто такого будет воспринимать всерьез. – Пошел вон отсюда!

Дальнейшие переговоры с врагом Дато посчитал бесполезными. Просто подошел к нему и врезал. Раз, другой. Он был драчун со стажем. Имел опыт, сильные руки и необходимое для победы внутреннее спокойствие. Никому не удавалось Дато побить. Даже тем, кто превосходил

его в силе. Впрочем, зная это, мало кто с ним связывался. Но этот пацан видел его впервые, вот и недооценил...

Когда он, согнувшись от боли, выпустил волосы Маши, Дато заломил ему руку и толкнул в уборную, предварительно распахнув дверь.

– Пошли, – сказал он Маше и взял ее за руку.

– Зачем ты так? – спросила она.

– Как – так?

– Сильно избил его...

– Разве это сильно? Даже не до крови! – запротестовал Давид. – Я ему легонько накостылял, чтоб он от тебя отстал. Кстати, если еще раз подойдет, мне скажешь, я с ним иначе поговорю...

– А ты жестокий!

– Я справедливый, – возмутился Дато. – Никогда не бил никого слабее себя. А девочек пальцем не трогал. Это не по-мужски.

Они вышли на улицу. Дато подвел Машу к велику.

– Что этот пацан от тебя хотел? – спросил он, помогая ей взобраться на раму.

– Чтоб я с ним в кино сходила.

– Разве так девочек в кино зовут?

– Ну, ты пойми, он недалекого ума. Свою симпатию проявляет вот так, через агрессию.

– Он тебе нравится? – насторожился Дато.

– Конечно, нет.

От сердца отлегло. И Дато бодро помчал. Маша сидела между его вытянутыми руками, прижималась спиной к его груди, и, как в его сне, ветер трепал ее волосы. Только пахли они не фруктами, а ванилью.

До фуникулера ехать было недолго, но Дато специально выбрал не прямой маршрут, чтобы дорога заняла больше времени. Но вот она закончилась.

Дато купил билеты и провел Машу в кабинку. Она плюхнулась на лавочку и принялась нетерпеливо ерзать, ожидая, когда начнется подъем.

– Скоро? – то и дело спрашивала она.

Давид заверял, что скоро.

Наконец кабина тронулась. Маша радостно взвизгнула и прилипла носом к стеклу.

– Красота какая! – ахнула она, когда они взмыли над городом. Щеки ее покраснелись, глаза горели, и пухлые губы то и дело растягивались в улыбке. Давид не мог на Машу насмотреться. Какая она все же красивая! В обычной школьной форме и черном фартуке она выглядела не так, как все девочки, которых Дато знал, – не безлико, а исключительно. Даже противный коричневый цвет, который он терпеть не мог, шел к ее волосам, глазам и... веснушкам на переносице! Надо же... Он раньше их не замечал.

Подъем длился не так долго, как Маше хотелось бы. Когда кабина остановилась и двери раскрылись, на ее мордочке читалось разочарование. Если б фуникулер вез на небо, она бы с радостью взмыла туда!

Дато первым делом повел Машу в кафе. Накупил там пончиков и коктейлей. Девочка пыталась сунуть ему деньги, но он небрежным жестом миллионера отверг их. Пока ели, Маша рассказывала:

– Моя мама не ладит со свекровью. То есть с моей бабушкой. Папа у меня коренной москвич из профессорской семьи. А мама деревенская. Ее родители всю жизнь в колхозе проработали. Она первая, кто высшее образование в их роду получил. В общем, по мнению бабушки, потомственная колхозница не пара ее сыну.

– Но он все же женился на ней?

– Да. Папа очень любит маму.

– В моей семье похожая история. Только все наоборот. Родители матери запрещали ей выходить замуж за отца. Но она не послушалась.

– И что? Они счастливы?

– Нет. Они... расстались. – Сказать, что отец бросил их, не повернулся язык.

– Жаль. А мои живут душа в душу.

– Даже не ругаются?

– Какая семейная жизнь без ссор? – пожала плечами не по годам мудрая Маша. – Ругаются, конечно. Но не скандалят. А если б не бабушка, вообще не ссорились бы. Знаешь, когда мне было четыре годика, меня сбил мотоцикл. Мама гуляла со мной во дворе. И соседский парень на меня наехал. – Она опустила гольф до щиколотки, и Дато вновь увидел страшный шрам. – Это с тех времен на память осталось. Нога была сильно изуродована, даже отнимать хотели. Но у бабушки отличные связи в мире медицины, она позвонила куда надо, и меня прооперировал самый лучший хирург кремлевской больницы...

Дато коснулся пальцем шрама. Он был весь бугристый. Как будто под кожу скрученная веревка вшита. А он, дурак, Машу в гору потащил в день знакомства...

– Болит? – сдавленно спросил Дато, его переполняло раскаяние.

– Давно не болит. Но я долго нормально ходить не могла. Сейчас, слава богу, все хорошо. Даже бегаю. Но бабушка маме до сих пор простить не может, что она меня не уберегла. Первое время после операции я у нее жила. И она меня отдавать не хотела, отец ее еле уговорил. А когда мы в Грузию собрались, она настаивала на том, чтоб меня с ней оставили. Ради моего же блага. Но мы на семейном совете решили, что должны быть вместе.

– Семейном совете? – переспросил Дато.

– Да. Я уже взрослая, и мы принимаем важные решения вместе, – гордо сообщила Маша. Но тут же повесила нос и добавила: – Только иногда они забывают о том, что я большая, и не разрешают уходить далеко от дома.

– Волнуются за тебя.

– Понимаю. Но я не могу постоянно сбегать и врать. Меня рано или поздно поймают.

– А ты скажи им, что не одна гуляешь и со мной тебе бояться нечего.

– Ой, нет. Про тебя точно говорить не стоит.

– Почему?

– Ты только не обижайся, ладно? Но мама сказала, что ты шпана, и велела мне держаться от тебя подальше...

Дато тяжело вздохнул. Он уже привык к тому, что матери многих ребят велят своим чадам держаться от него подальше. Но его раньше это не трогало. Более того, он немного гордился тем, что его считают опасным малым. Но то было раньше, а сейчас...

– Я и сама знаю, что ты хулиган, – продолжила Маша. – Еще и драчун, как сегодня выяснилось. Но я уверена, что ты не причинишь мне вреда.

– Конечно, нет.

– Поэтому я буду с тобой дружить. Только нам надо выработать стратегию.

– Чего? – переспросил Дато. Значения последнего слова он не знал.

– Объясню, если ты съешь мой пончик, – улыбнулась Маша.

– Не понравились?

– Очень вкусно. Но я не могу есть столько, сколько ты. Ну, что? Поможешь?

– Запросто...

И он с аппетитом принялся за Машин пончик.

– А теперь про стратегию. В переводе с древнегреческого это слово означает – искусство полководца. То есть это военная наука.

– Понял. Ты имела в виду, что надо разработать план действий.

– Точно! Ко мне ты приходишь не можешь. К тебе меня тоже не отпускают. Придется что-то придумывать.

– Например?

– У тебя сестры нет?

– Только братья. А что?

– Жаль, я могла бы познакомить ее с мамой и наврать, что это моя подруга, которая будет меня обучать грузинскому языку.

– Мы можем попросить любую девочку представиться твоей подругой.

– Но только из вашего двора. Потому что мама будет меня встречать и провожать первое время, пока не убедится, что волноваться не о чем и меня никто по дороге не съест. Это первый вариант. Второй. Мы запишемся с тобой в один кружок, неважно какой, все равно прогуливать...

– Маша, какой кружок? Туда записываются в начале осени.

– Точно! – Она шлепнула себя ладонью по лбу. – Значит, надо искать девочку. Есть в вашем дворе подходящие? Чтоб надежная и производящая хорошее впечатление на родителей?

– А может, просто вот как сейчас будем встречаться? Когда твои мама с папой на работе.

– Нет, так мы будем встречаться, чтобы гулять, играть. А занятия – дело серьезное. Тебе за два с половиной месяца надо так меня подготовить, чтоб я без труда говорила и читала.

– Почему два с половиной? – не понял Дато. – До первого сентября гораздо больше времени.

– Да. Но я на месяц уеду в Москву к бабушке. И на две недели с мамой в Батуми. Вот и считай.

Дато погрузился. Он Машу не будет видеть полтора месяца!

– А это что у тебя? – услышал он ее голос.

– Где? – встрепнулся Давид.

– Вот. – И она указала на нагрудный карман рубахи, где лежала сложенная в несколько раз «Пионерская правда».

– А... Это газета.

– Я вижу. Зачем она тебе?

– Тут рассказ моего брата напечатан.

– Твой брат пишет рассказы?

– Не только. Еще картины. Он очень талантлив.

– Ой, а покажи...

Дато вытащил газету, развернул, расправил. Она уже изрядно потрепалась, сгибы протерлись, но текст был читаем. И фото можно было рассмотреть. На нем Зура, как всегда, был чуть угрюм, но очень симпатичен. Фотограф удачно выставил свет и выбрал ракурс, и во взгляде брата читалась мечтательность, которая украшала его лицо.

– Зураб Ристави твой брат? – воскликнула Маша.

– Да, – растерялся Дато. – Ты его знаешь?

– Слышала о нем. Он ведь еще и великолепно рисует?

– Я тебе сразу сказал об этом.

– В журнале «Юный художник» была статья о Зурабе с фотографиями.

– В школе проходила выставка его работ. И журналистка из Москвы взяла у него интервью. Обещала прислать экземпляр, но не сдержала слова. Мы решили, что статья не вышла.

– Вышла. Я читала. И внимательно рассмотрела фото, на них он сам и три его работы. Все очень талантливые, я оценила. Мама тоже. Она сама прекрасный рисовальщик. И живописью интересуется. В семь лет меня в художественную школу записала. И стала покупать мне книги с репродукциями известных мастеров и выписывать специализированные журналы. Только я

всего год прозанималась. Поняла, что хочу быть актрисой, а не художником, и отправилась в драмкружок.

– Журнал сохранился?

– Да. Но он в Москве, у бабушки. Когда поеду, привезу обязательно. – Она повернула газету к себе, пробежала глазами по странице. – Он хорошо знает русский, да?

– Да. Даже пишет на нем без ошибок. Зура вообще у нас очень умный. И талантливый.

– Ты гордишься им, да?

– Очень.

– Вы совсем не похожи, – заметила она.

– Конечно. Он – талант. Я бездарь... – Дато постарался скрыть обиду. От матери он легко принимал нелестные сравнения с Зурой, но от Маши слышать их не хотелось.

– Я про внешность, – мягко улыбнулась она. – Ты в отца или в мать?

– В бабу, папину маму. Я не знал ее, только на фото видел. Она из княжеского рода, ее при Сталине репрессировали. А Зура пошел в мамину породу.

– Познакомишь меня с ним?

– Конечно. С удовольствием.

– Вот проблема и решена. Мама будет не просто согласна, чтоб я занималась с Зурабом, она в восторг придет.

– Но ты же со мной будешь... – его голос дрогнул, – заниматься? А не с Зурой?

– Конечно, с тобой. Ты же мой друг. А брат твой только для прикрытия.

Через три дня Маша познакомилась с Зурой. Давиду было стыдно приглашать девочку в гости, и они встретились, что называется, на нейтральной территории – на ступенях синагоги. Брат любил это место. А еще скверик во дворе мирно соседствующей с синагогой христианской церкви. Там он мог спокойно рисовать и сочинять свои рассказы.

Зура не сразу согласился на встречу. Он, как и Дато, избегал общества девочек. Но по другой причине – брат был крайне влюбчивым и боялся выдать себя, находясь рядом с предметом своих грез. А грезил он о многих! Чуть ли не каждый день увлекался новой девочкой, при этом не переставая вздыхать о ком-то из своих старых «любовей». Об этих страстях, бушующих в душе Зуры, не знал даже Давид. Брат делился ими только с бумагой. Писал любовные истории, но тут же уничтожал их. А те девочки, которые не являлись объектами его восхищения, вызывали у него одно раздражение. О чем с ними разговаривать? О куклах, бантиках? Играть в дочку-матери или больничку? С девочками постарше Зура еще мог как-то общаться, но они воспринимали его как малолетку, и он обожал их на расстоянии, влюблялся в последнее время в пятнадцатилетних.

– Не буду я знакомиться с твоей подругой! – запротестовал Зура, услышав просьбу брата. – Еще чего не хватало!

– Тебе трудно, что ли?

– Не хочу!

– Я тебя не так часто о чем-то прошу...

– Терпеть не могу девчонок.

– Я тоже. Но Маша особенная.

– Сколько ей лет?

– Как и мне, девять.

– В этом возрасте девочки вообще ужасны. Глупые, вертлявые, капризные, шумные! Знаешь, кого они мне напоминают?

Дато вопросительно посмотрел на брата. Ему не нравилось, что он сравнивает Машу со всеми. Во время разговора он кидал в стену резиновый мячик. Тот, отлетая, стучался о пол и возвращался к Давиду. В этот раз он его не поймал, и мяч укатился под кровать.

– Вот его! – сказал Зураб.

– Кого? – не понял Дато.

– Его! – Брат достал мячик и стал подкидывать его. – Девчонки такие же пустые внутри.

И скачут, скачут, скачут...

– Скажешь тоже, – фыркнул Дато. Сравнение показалось ему неудачным.

– Ну их... – Зураб закинул мяч под кровать. Затем взял с полки книгу и стал читать, давая понять младшему брату, что разговор окончен.

– Я люблю ее, – выпалил Давид.

– А? – Зура решил, что ослышался.

– Люблю Машу.

И, покраснев, отвернулся. Таких признаний ему еще делать не приходилось, вот и засмутился.

– Ты серьезно? – услышал он взволнованный голос Зураба.

– Да, – выдавил из себя Дато.

– Значит, она действительно особенная...

– Она самая лучшая в мире!

– Раз так, я с удовольствием с ней познакомлюсь. Давай завтра?

И вот они сидят на нагретых солнцем ступенях, едят мороженое и болтают. Зура сначала был скован и неразговорчив. Взгляды, бросаемые на Машу, коротки и настороженны. Она задает ему вопросы, он отвечает рублеными фразами, а зачастую лишь «нет» или «да». Но уже через десять минут (по одному мороженому они уже съели, а их был целый пакет – Дато шикавал, тратя выигранные в «пульку» деньги) Зура расслабился и даже начал шутить. Маша хохотала над его остротами, облизывая перепачканные в подтаявшем пломбире пальцы, а Давид смотрел, как быстро эти двое нашли общий язык, и радовался. Ведь это здорово, когда два самых близких тебе человека симпатизируют друг другу.

– Как часто вы хотите заниматься языком? – спросил Зура.

– Три раза в неделю.

– А где?

– Я думала, у вас дома...

Зура покосился на Дато. Тот тяжело выдохнул и пожал плечами, как бы говоря, знаю, я должен был предупредить ее, но не решился.

– Маш, у нас не совсем подходящее место для занятий, – сказал Зура.

– Почему?

– Тесно, шумно и... туалет на улице. Ты не привыкла к такому.

Она посмотрела сначала на него, затем на Дато. Нахмурилась.

– Вы стесняетесь своего дома или просто не хотите меня там видеть?

– Хотим, но... – Дато начал отвечать на ее вопрос, а Зура закончил:

– Тебе будет там некомфортно.

– У нас комната метр на метр. Соседи очень шумные. Особенно тетя Роза. А в туалет очередь.

– Может, вам мама запрещает друзей приводить?

– Да мама и не узнает! Она раньше девяти домой не возвращается, – заверил ее Дато.

– Заниматься можно в школьном дворе, – предложил Зура. – Я там отличное местечко знаю.

– Хорошо, будем там. Но у меня просьба. Покажите мне ваш дом. Вы ведь в итальянском дворике живете? Я давно хочу побывать там, посмотреть, что и как... – Она умоляюще посмотрела на Дато. – Пожалуйста...

Зачем? Зачем она мучила его? Показать ей, этой принцессе, их хибару и не сгореть при этом от стыда Дато не представлялось возможным. У них вообще редко бывали гости. Зура не имел друзей, у Дато их было слишком много, чтобы тащить всю ватагу в дом. Да и неинтересно

шпане сидеть в четырех стенах. Хотя к некоторым ребятам из «банды» они иногда навевались, чтобы посмотреть кино по цветному телевизору «Чайка» или поиграть с железной дорогой. Среди друзей Давида были ребята из вполне благополучных семей. Но их он не постеснялся бы привести к себе. Они мальчишки, такие же, как он, они все поймут, а тут девочка... Да не просто девочка... принцесса.

И тут он вспомнил, что сказал Зура, рассказывая о Маше: «Она необыкновенная!» А коль так, она не станет относиться к нему хуже, узнав, в каком непохожем на ее мир месте он обитает. А если ее это отвратит от него, то она никакая не исключительная... а похожа на тех, кого Зура сравнивает с резиновыми мячиками... пустая внутри!

– Хорошо, мы можем показать тебе наш двор и квартиру прямо сейчас, – решительно сказал он.

Зура удивленно округлил глаза, но спорить не стал.

Через десять минут они стояли посреди двора. Маша с любопытством оглядывалась.

– Уютно! – сказала она. – А пахнет как! – Это липа, посаженная еще до рождения тети Розы, зацвела и наполнила ароматом весь дворик. Благодаря этому запах туалета не улавливался. Им подванивало не всегда. Только когда машина ассенизаторов приезжала с задержкой, как в этом месяце.

– Нам на второй этаж... – Дато указал на лестницу. – Ступай осторожно, она очень крутая, можно навернуться. – И подал ей руку, чтобы помочь подняться, заметив, что это хочет сделать Зура.

Дверь была не заперта, как у многих в их дворе. Дато толкнул ее и жестом пригласил Машу войти. Она переступила порог квартиры.

Солнце заглядывало в окно через тюль в крупную дырочку, и все было в золотистых пятнышках. Они покрывали потолок, стены, мебель. А когда порыв ветра колыхал занавеску, они проносились по комнате, как светлячки.

– У вас очень приятная обстановка в доме, – сказала Маша. И в ее голосе не слышалось фальши. Казалось, она не замечает убогости мебели, потертости обоев. А видит лишь солнечных зайчиков, скачущих по стенам, да картину Зуры с парусником – от нее она не отводила глаз. – Я видела этот пейзаж на фото в журнале. Но оно не передало всей его прелести.

– Хочешь, я нарисую тебе такой же? Этот подарить не могу, он очень маме нравится, – предложил Зура.

– Нарисуй.

– А еще мне хотелось бы твой портрет написать. У тебя очень интересное лицо.

– Ой, я стесняюсь... – И Маша на самом деле засмушалась. Тут ее взгляд упал на будильник, стоящий на тумбочке рядом с маминым диваном. – Как время пролетело! Мне домой надо. Дато, поехали скорее.

– Поехали.

– Пока, Зура. Я с мамой сегодня поговорю. Надеюсь, ты согласишься с ней познакомиться, если она захочет?

– Без проблем.

– Только не говори ей, что Дато твой брат. Она считает его плохой для меня компанией.

– Дато – хорошая компания! – возмутился Зураб.

– Я знаю, но ей не докажешь.

– Поехали, Маша, – поторопил ее Давид.

Она кивнула и, помахав Зура рукой, заспешила к двери.

Дато отвез ее домой. На следующий день, как договорились, встретил после школы (прогулял урок и сбежал с внеклассного занятия). Маша рассказала о том, как мама обрадовалась, узнав, что дочь познакомилась с Зурабом Ристави, и ждет его к ним в гости. На чай с фирменной ватрушкой.

- Как думаешь, он согласится? – спросила она.
- Почему нет?
- Тогда завтра пусть приходит к трем.
- Я передам.

Зураб, как и думал Дато, согласился прийти в гости к Маше. Причем отправился не с пустыми руками, а с морским пейзажем. Он был похож на тот, что украшал мамину комнату, но немного отличался. Кроме парусника на волнах и неба с лунной дорожкой, на нем был маяк, а на его балкончике стоял человек. Судя по очертаниям тонкой фигурки – девочка...

Маша?

Дато проводил брата до дома номер сорок на Плеханова. И сел во дворе на детские качели, чтобы подождать его и Машу. Вообще-то он мог провести это время с большим удовольствием – его «банда» погнала в Сабуртало на стройку, чтобы поиграть там в войну. Дато обычно не пропускал такого, но не в этот раз. Все равно он не сможет сосредоточиться на сражении и падет в первые минуты боя, хотя обычно оставался в числе выживших и, как правило, назначался верховным главнокомандующим в финальной битве.

Он думал, что чаепитие продлится максимум час. А скорее, полчаса. Но вот уже двадцать минут четвертого, а Зуры с Машей все нет. Дато занервничал и стал ходить по двору, сшибая лопухи. Сколько можно чай гонять? Тем более, жара на улице. Творог Зура вообще не любит, а ватрушки именно с ним...

– Дато! – услышал он голос Маши и обернулся. Затем поднял голову вверх. Она выглядывала из окна, свесив голову вниз. – Ты не жди нас.

– Почему?

– Мама сказала, что нам будет удобнее заниматься у нас. В моей комнате. Она сейчас к соседке пошла, решила ее ватрушкой угостить. А мы начнем урок...

Дато хотел напомнить, что грузинскому языку ее должен был обучать он, а не его старший брат, но Маша уже скрылась из виду, он потоптался еще некоторое время возле качелей, давя сбитые лопухи, после чего оседлал Казбека и помчался в сторону Сабуртало. Он еще успеет к финальному сражению и всех там победит! Но, не доехав до стройки каких-то сто метров, остановился, развернулся и покати́л домой. Настроения не было. Дато терзало беспокойство...

Ему казалось, что сегодня он начал терять Машу.

Часть вторая

Глава 1

Маша открыла глаза и недовольно поморщилась. Снова забыла задернуть шторы, и лучи солнца, бьющие в глаза, ее разбудили. Окна спальни выходили на восток, и летом уже в пять утра комнату заливал яркий свет.

Она встала. Зевнула, широко открыв рот. В квартире она находилась одна, и можно было не думать о манерах. Маша глянула на часы, они показывали начало шестого. Кошмар! Уснула она очень поздно и совсем не отдохнула. Но если сейчас, задернув шторы, она вернется в кровать, то все равно не сомкнет глаз. Только промучается. Поэтому надо топать на кухню и варить крепчайший кофе.

Накинув халат, она вышла из спальни. Квартира находилась на проспекте Плеханова (она по старинке называла ее так, хотя ныне он носил имя Агмашенебели). Сварив кофе, Маша вышла на маленький балкончик, где помещались лишь стул и крохотный круглый столик, уселась и закурила сигарету. Сначала покурит, потом выпьет кофе. Он как раз остынет.

Город еще спал. Даже дворники не начали свою работу. А вот птицы проснулись и заливались на разные голоса. И это в самом центре города! Покой, тишина, пение птиц. А еще запах зелени и цветов, а не выхлопных газов. Как не хватало Маше всего этого, пока она жила в Москве. В ней она появилась на свет и провела большую часть жизни, но все равно Тбилиси был роднее.

Здесь похоронены ее родители, и Маша раз в год приезжает на их могилы. Но не остается в городе дольше чем на пару дней. В Москве у нее работа, дела, друзья, муж...

И вот две недели назад она бросила все – работу, друзей, мужа – и приехала в Тбилиси, чтобы остаться здесь навсегда.

Решение приняла в одно мгновение. Узы, связывающие ее с Москвой, разорвала в течение двух дней. Высказала боссу все, что о нем думает, и была тут же уволена. Разогнала бригаду рабочих, возводящих загородный дом, и заморозила стройку. «Лучшей» подруге Наинке сообщила о том, что знает о ее шашнях со своим мужем, и послала подальше. Остальным, не «лучшим», сообщила, что ей предложили отличную работу за рубежом, чему она безумно рада, и обещала писать и звонить. А с мужем расстаться было легче, чем с работой и друзьями, даже предательницей Наинкой.

– Я все знаю про твои лямуры с Наинкой, – сказала она ему. – Но уйду от тебя не поэтому. Просто я тебя разлюбила. Не из-за твоих походов налево. А задолго до того. Но терпела тебя! Боялась все кардинально изменить. А вот вчера осмелела и уйду.

– Я тебя не отпускаю! – рявкнул он.

– А ты мне не господин. И даже не муж. Ведь ты сам настаивал на том, чтоб мы не оформляли отношения. И имели отдельные бюджеты, так что я тебе ничего не должна!

И ушла, ни секунды не пожалев о содеянном.

На следующий день она уже была в Тбилиси. Квартира за годы, пока в ней никто не жил, пришла в запустение. Но все равно в ней вполне можно было обитать. Душ, туалет работали, трубы не текли, мебель не развалилась. А что обои в восьмидесятых клеили, и крашенные масляной краской двери с «заплаткой» из цветной органики посередине сохранились в единичных жилищах и только в казенных домах, это все мелочи. Потом можно сделать ремонт. А пока ей и так хорошо...

Маша докурила, затушила сигарету и принялась за кофе.

Сегодня ее первый рабочий день! Нет, формулировка неверная... В театре не работают, а служат. Ее приняли в труппу академического театра, и сегодня она впервые явится туда как член коллектива.

Маша легко поступила в «Щепку». Но в столице ее карьера не сложилась. И когда ей предложили стать помощником руководителя огромной консалтинговой компании, она согласилась. Деньги очень нужны были. Просто катастрофически.

И вот через несколько лет она получила возможность вернуться к профессии. Так волнительно!

Кофе кончился. Маше хотелось выпить еще чашечку, но она не могла заставить себя подняться со стула и отправиться на кухню. Сидеть на балконе было так славно. Радость глазам, слуху, а главное – душе, в ней воцарился покой...

– Маша! – услышала она вопль. – Маша, неужели ты?

Вот и конец покою!

Маша обернулась на голос. Он доносился с соседнего балкона.

– Здравствуй, Ирма, – приветствовала она женщину, бесцеремонно нарушившую ее покой. – Как твои дела?

– А я не знала, что ты тут! – И начала засыпать ее вопросами, проигнорировав тот, что адресовали ей. – Давно приехала? Надолго?

Ирма училась с Машей в одной школе, но в другом классе. Она была старше на год. Слыла первой школьной красавицей. Имела очень эффектную внешность и уже в тринадцать лет аппетитную грудь. Машу недолюбливала, поскольку та перетягивала внимание некоторых ее поклонников на себя.

– Ты что так рано встала? – переняла манеру Ирмы Маша и ответила вопросом на вопрос. – Рань такая...

– Улетаю сегодня в Стамбул, я сейчас там живу. Самолет в девять утра. Вот собираюсь.

«Аллилуйя! – пропела Маша мысленно. – Значит, не будешь мне докучать!»

– Мне мама говорила, что ты приезжаешь иногда, но я тебя ни разу не застала, – продолжала трещать Ирма, нарушая тем самым гармонию окружающего мира, где пока проснулись лишь птицы, чьи трели умиротворяли, а не раздражали. – С кем-нибудь из старых знакомых уже встречалась?

Маша покачала головой. Хоть кто-то должен помолчать, чтобы стало спокойнее и тише.

– Да ты ведь и не дружила особенно ни с кем, – припомнила Ирма. – Только с Зурой и Дато Ристави. Так вот, Зурика мама часто встречает в магазине, где он грузчиком работает...

– Грузчиком? – переспросила Маша. Она помнила Зуру творцом. И думала, что он давно за границей выставляет свои картины или пишет романы под другой фамилией.

– Да, представь себе. Таскает коробки с замороженными куриными тушками и много пьет.

– А Давид? Как он? – Сердце защемило при воспоминании о нем.

– О Дато не знаю. Как уехал, так ни слуху, ни духу. Может, его в живых уж нет? Шальной был парень...

– Башибузук, – тихо вздохнула Маша. Так Давида называл ее отец. (Русский синоним этого турецкого слова «головорез»).

– Ну, а ты как? В Москве? Как успехи? Замужем?

– Ирма, извини, мне тоже надо собираться. Рада была с тобой увидеться.

И Маша нырнула в комнату чуть ли не рыбкой.

От радужного настроения не осталось и следа. Вторую чашку кофе она выпила без удовольствия. Времени до выхода из дома оставалось еще много, и Маша не знала, чем занять свои мысли. Вернее, те, что лезли в голову, были о прошлом, о Зурабе и Дато, и она гнала их прочь. Хотела переключиться. Но на что?

И она выбрала «зону комфорта». То есть воспоминания о днях не столь далеких...

Глава 2

Со своим будущим мужем (хоть они не зарегистрировали брак, Маша считала Романа супругом) она познакомилась по окончании училища. На одной вечеринке приятельница подвела к ней молодого человека с волнистыми волосами удивительного медового цвета. Маша сначала подумала, что они крашенные. Уж очень эффектно смотрелись. В остальном – парень как парень. Симпатичный, не более. Но эта шевелюра... В нее так и хотелось запустить пальцы, а потом лизнуть их. Казалось, они будут сладкими...

– Мари! – обратилась к ней приятельница. В узком театральном кругу Машу Селезневу называли именно так. – Я хочу познакомить тебя с мужчиной, являющимся твоим страстным поклонником! Его зовут Роман.

– Поклонником? – переспросила Маша. Откуда у нее поклонники? Она только неделю назад получила диплом.

– Именно, – подтвердил Рома. – Я видел дипломный спектакль и был покорен вашей игрой. Разрешите угостить вас чем-нибудь?

Маша милостиво согласилась. Роман унесся к бару и вернулся с двумя фужерами шампанского.

Они выпили за знакомство. Разговорились. Он работал в финансовом отделе крупной консалтинговой компании. Отлично зарабатывал, имел собственную квартиру. То есть кавалером был перспективным, и Маша решила к нему присмотреться. Она, конечно, еще молода, но о будущем уже пора задуматься. Замуж за коллегу она решительно не желала выходить. Более того, мужчин творческих с недавних пор она игнорировала. Хотелось спокойного, надежного, мудрого, крепко стоящего на ногах взрослого, а не инфантильного, капризного ребенка... Пусть даже талантливого и чертовски обаятельного.

Маша оставила Роману номер своего телефона и стала ждать его звонка. Молодой человек ей понравился. Пожалуй, она могла бы в него влюбиться...

Роман не заставил себя долго ждать. Уже на следующий день позвонил, пригласил Машу поужинать. Она не могла в тот день. Решили встретиться послезавтра. Но когда оно наступило, оказалось, что не получается у Романа. Так продолжалось две недели. То у него дела, то у нее. Маша уже подумала – значит, не судьба. Но Роман, узнавший у приятельницы ее адрес, приехал к ней утром с огромным букетом цветов и тортом «Птичье молоко», ее любимым. Она пригласила его на чай и...

Он остался у нее на два дня.

Через неделю она переехала к Роману.

Он полюбил ее сразу. Она откликнулась на его чувства через какое-то время. И когда этот момент настал, не было, как им казалось, на Земле людей счастливее их. Эйфория длилась довольно долго. Два года. А потом... Рома уехал в Сибирь! На такой же срок. Заключил невероятно выгодный контракт и был таков. Машу, естественно, звал с собой. Но она осталась в столице. Не из-за карьеры, она все равно не складывалась, в Москве ее держало другое... То, о чем Роман не знал.

Они переписывались и перезванивались, один раз виделись – Рома прилетал. Но Маша была уверена, что отношения их не имеют перспективы. Муж скорее всего продлит контракт и останется в Сибири. Там у него хорошо идут дела. И, как она думала, не только профессиональные. Молодой, здоровый, симпатичный мужчина не может не завести себе женщину, долго находясь вдали от супруги. Не исключено, что она станет ему ближе Маши, и Рома останется с ней. Или, как вариант, привезет ее в Москву. Но даже если исключить все это, то два года разлуки в любом случае на отношениях положительно не сказываются. Люди друг от друга отвыкают, и когда воссоединяются, зачастую оказываются чужими друг другу.

Но мрачные Машины прогнозы не сбылись. Рома вернулся один. И все такой же влюбленный. Он хорошо заработал на Севере и тут же поменял квартиру на большую. Купил новехонький «Мерседес». Маше же досталась его старая машина, но и ту он не переписал на нее, а оформил генеральную доверенность. Он был не жадным, скорее прижимистым. Деньги тратил с умом. Не любил ресторанов, потому что на ту сумму, что они заплатят по счету, можно отлично питаться дома несколько дней. Но приобретал дорогую бытовую технику, потому что она облегчает жизнь. Не любил наряжаться, в быту носил одни джинсы, пока они не протрут. Но имел деловые итальянские костюмы. Они работали на его имидж. Он редко преподносил Маше цветы, предпочитал полезные подарки. И никогда не давал наличных денег. Если Маша жаловалась, что шуба пришла в негодность или нет денег на новую резину, он ехал с ней в меховой и автосалон, сам все выбирал, сам расплачивался.

Маша зарабатывала мало. Крутилась, как могла. Но наступил момент, когда денежный вопрос встал так остро, что... Либо надо расставаться с мужем и искать другого, щедрого, либо... расставаться с профессией. Маша раздумывала недолго. Приличных кандидатур на роль спутника жизни на тот момент не было, на их поиск, возможно, безрезультатный, ушло бы время, а деньги нужны были срочно. Поэтому она распрощалась с актерством. Ибо предложение о высокооплачиваемой работе она уже получила.

И началась у Маши другая жизнь. Поначалу трудная. Офисная работа была так непривычна, что хотелось ее бросить в первые же дни. Но Маша, пользуясь личным знакомством с начальником, приятелем Романа, выписала аванс и потратила его, так что до конца месяца требовалось доработать. Что она и сделала. За четыре недели как-то втянулась, и увольняться уже не хотелось. К тому же офисный мир Маше понравился больше артистического. Люди были искреннее, проще, по-человечески понятнее. Да, они тоже интриговали, но не так подло. И дружили по-настоящему, а не против кого-то, и искренне радовались чужим успехам. Не все, но многие. И сплетничали не зло...

Маша скучала по актерству. И первый год ждала предложений, готова была сорваться в любую минуту, уволиться в один день без выходного пособия. Но никому она как актриса была не нужна. Некоторые ее однокурсники в звезды выбились. Блистали на сцене и экране. И могли бы ей помочь, но... Не хотели! А вдруг затмит?

И Маша с годами перестала мечтать о сцене. Влилась в «обычную» жизнь. И вроде бы получала от нее удовольствие. Но все же иной раз так тошно становилось, хоть вой. Кто-то сказал бы, надо было до конца бороться. Путь к успеху тернист. И, не изранившись, его не пройдешь. Маша же, едва уколов ноги, сдалась...

Но тот, кто сказал бы так, просто не знал всей правды. Ее не знал никто. У Маши была тайна, хранимая годами. Единственный человек, посвященный в нее, умер, ее бабушка. Похоронив ее, Маша и приняла решение свернуть с пути.

Глава 3

Она не спеша шла по проспекту Руставели и пила кофе. Третья чашка за утро! Перебор. Но что делать, если хочется спать?

Кофе был вкусный, хоть она его и купила в круглосуточной закусочной, но Маша не любила пить на ходу. Поэтому она села на лавку. До театра оставалось пройти всего ничего. Было еще рано. Все же жаль, что она так рано вскочила. И время убить нечем, и выглядеть в первый «служебный» день хотелось бы посвежей.

Сделав несколько глотков, Маша решила, что хватит с нее кофе. Во рту стояла горечь. Она принялась искать глазами урну, чтобы выкинуть стаканчик, и тут...

Нет, такого быть не может!

По тротуару шагал... Давид! Нет, не может быть! Разве люди так кардинально меняются? Был башибузуком, а стал уважаемым господином? Просто похож! Рост, фигура, волосы, все как у Дато. А главное – походка. Быстрая, пружинистая, с энергичным покачиванием плеч... Походка головореза, а не уважаемого господина...

Значит, точно Давид!

Маша, нервно сжав стакан, вскочила. Кофе выплеснулся из отверстия в крышке. Несколько капель попало Маше на юбку, но она не обратила на это внимания. Лучше явиться в театр в грязной одежде, чем встретиться с Давидом лицом к лицу...

– Маша? – услышала она сзади. – Ты?

Бежать дальше, притворяясь глухой? Глупо. Останавливаться, оборачиваться? Страшно. И Маша, увидев урну, бросилась к ней, как утопающий к спасательному кругу. Несколько секунд, что потребуются на то, чтобы выкинуть стаканчик, ей, конечно, не хватит, но она более-менее успокоится перед неизбежной встречей.

«А может, он пройдет мимо? – металась в голове мысль. – Решит, что обознался, и направится дальше?..»

– Точно ты, – раздался знакомый голос буквально за спиной. – Твою походку я не спутаю ни с чьей.

– Как и я твою...

И она обернулась, набрав предварительно полные легкие воздуха.

– Привет, – сказал он, скупно улыбнувшись.

Перед тем как ответить на приветствие, она окинула быстрым взглядом его лицо, не понимая, что в нем изменилось...

– У меня новый нос, – как будто прочитал ее мысли Дато.

– А у меня старый, – ляпнула Маша.

Улыбка его стала шире. Еще секунда, и она превратится в ту самую, детскую, от уха до уха. И на щеках образуются складочки, похожие на завитушки.

– Извини, забыла поздороваться, – пробормотала Маша, отводя взгляд.

– Не думал, что ты все еще тут...

– Я не все еще тут, – поправила его она. – Только две недели.

– А я второй день. Поразительно, правда?

– Что именно?

– Что мы с тобой недавно приехали в город и уже встретились.

– Тбилиси – город маленький, – пожал плечами Маша. – Хоть и большой... – Это было на самом деле так. В Тбилиси все знали всех и, что самое удивительное, все со всеми встречались рано или поздно. И это при том, что численность населения перевалила за миллион.

– Как ты? – просто спросил он.

– Хорошо, – так же просто ответила она.

– Выглядишь потрясающе... – Маша никак не отреагировала на его комплимент. Надо было сказать что-нибудь, хоть «спасибо», но она молчала и чувствовала себя полной дурой. – Где жила до этого?

– В Москве.

– Надо же. Я тоже. Но там мы почему-то ни разу не встретились. Хотя Москва тоже маленький город, хоть и очень, очень, очень большой.

– Ты извини, но мне идти надо, – выдавила из себя Маша.

– Позволь провожу? Ты куда направляешься?

Она ткнула в здание академического театра.

– Опять хочешь записаться в драматический кружок? – усмехнулся Дато.

– Меня уже записывали один раз. Теперь взяли в труппу.

– Поздравляю.

– Спасибо. Я пойду.

И она двинулась по направлению к театру. Давид вместе с ней.

– А ты куда идешь? – поинтересовалась Маша.

– На встречу с одним человеком. – Он покосился на нее. – Не спросишь, как Зура? Или знаешь – как?

– Соседка, Ирма, ты ее наверняка помнишь, сообщила сегодня, что он грузчиком работает и... пьет.

– Не соврала.

– Жаль. Он очень талантлив.

– Ты тоже...

И она вспыхнула. Возможно, он не имел намерения задеть ее, но Маша по-своему расценила его слова. А именно: «Ты тоже талантлива. Но почему-то до сих пор не звезда театра или кино. Ты – начинающая актриса. Дебютантка. По существу, статистка, ведь на главные роли ты не можешь пока претендовать. А тебе уже за тридцать. А если точнее, под сорок. Когда-то ты тоже подавала большие надежды... Так чем ты лучше Зуры? Только тем, что не пьешь?»

– Прощай, Давид! – выпалила Маша, чуть ли не бегом достигнув крыльца.

– Постой...

– Прощай, – повторила она и скрылась за дверью.

Глава 4

Прошлое...

Отец гневно уставился на Машу и переспросил:

– Что ты сказала?

– Я люблю Давида, – едва слышно повторила она.

– Этого башибузука? Да ты с ума сошла? Или как у вас, молодых, говорят? С катушек слетела?

Маша опустила голову. Она сидела на диване, смиренно сложив руки на коленях. Отец нависал над ней, упершись кулаками в журнальный столик. Мама стояла в стороне. Через плечо было перекинута полотенце. Его краем она протирала тарелку, которая давно была сухой.

– Я запрещаю тебе, Мария, встречаться с этим башибузуком! – рявкнул отец.

– Перестань его так называть!

– А как прикажешь? Рыцарем без страха и упрека? Он головорез, Мария!

– Нет, он не такой!

– Мать, скажи ты! – воззвал он к жене.

– Доченька, мы желаем тебе только счастья... – начала та.

– Тогда дайте мне свободу! – воскликнула Маша и вскочила. – Сейчас она для меня синоним счастья!

– Чтобы ты себе испортила жизнь?

– Моя жизнь, имею право портить!

– А о нас с отцом ты подумала? – с горечью проговорила мама. – Твои ошибки – наша боль. Ты хочешь разбить наши сердца?

– Мамочка... – Маша рухнула обратно на диван и заплакала. – Я люблю вас, но вы поймите... Я и его люблю! Что мне делать? Выбирать между вами и им? Разорвать сердце пополам?

Мама торопливо подошла к Маше, села рядом, обняла.

– Это пройдет, доченька, – прошептала она успокаивающе. – Первая любовь хоть яркая, запоминающаяся, но проходящая. Забудешь ты своего Давида очень скоро. Главное, постарайся сделать это...

– Не понимаю, почему из двух братьев ты выбрала именно его? – вступил в разговор отец. – Против Зуры я бы не возражал. Умница, талантище...

– А как хорошо воспитан, – подпела ему мама. – Да и симпатичный. Мне он очень нравится. Опять же, между вами много общего, оба любите живопись, театр, книги. А что Дато любит? Бузить, драться, гонять на своем мотоцикле?

– Вы не знаете его, – заступилась за любимого Маша.

– Это ты не знаешь! – горячо возразила мама. – Потому что на твоих глазах розовые очки. Послушай двух взрослых, мудрых, а главное, желающих тебе добра людей и расстанься с ним.

Она поцеловала дочь в висок и, сделав мужу знак, вышла из комнаты. Он за ней следом...

Дверь за родителями закрылась.

Маша осталась наедине со своими мыслями.

Она понимала, что родители правы. Дато не тот, с кем нужно связывать жизнь. Может, и не башибузок, как называл его папа, но бузотер и драчун, как точно подметила мама. А еще неуч. Не дурак, бесспорно, но тройки ему ставят лишь затем, чтоб Дато получил аттестат и покинул наконец школу. Он совсем не готовит уроки и не читает книг. Даже кино его мало интересует. Театр терпит лишь из-за нее, Маши. От классической музыки его тошнит, зато хеви-метал может слушать с утра до вечера. Особенно гоняя на своем Казбеке (взамен велику

пришел мотоцикл, его Дато назвал тоже в честь жеребца древнего царя). А агрессивный какой! Чуть что, сразу в драку. И так на протяжении всех лет, что они знакомы. Помнила она, как Дато, будучи еще совсем зеленым, отлупил пацана, пристававшего к ней. А сколько было после того, не счесть! И ведь ясно, что в ее отсутствие он ведет себя еще хуже. С Машей Дато, как он сам говорит, открывает свои светлые стороны. Бывает весел, нежен, заботлив, мил, внимателен, позитивен, открыт, романтичен. А взрывается, только если гармонию их маленького мира кто-то грубо нарушает. «Он топчет наш замок из песка» – иносказательно сформулировал он претензии к тем, кто это делал. И шел защищать свои бастионы. Или мстить за то, что их все же разрушили.

А еще Маша не знала, где Дато раздобыл свой мотоцикл. Купил? Но на что? Денег в их семье на еду с трудом хватало. Украд? Деньги или сам мотоцикл? Отнял? Взял в оплату за какие-то криминальные услуги?

Маша спрашивала у Дато напрямую, откуда Казбек, он же Минарик или мотоцикл Миниск? Но он отшучивался, постоянно придумывая что-то новое. То ему Дед Мороз его под елкой оставил. То добрая фея превратила в него обычную тыкву. То он собрал его из швейной машинки тети Розы. Машу эти ответы не веселили, они ее расстраивали. Она хотела знать правду. И пыталась добиться ее от Зуры, но тот либо сам пребывал в неведении относительно происхождения Казбека-2, либо тщательно скрывал от Маши тайну его появления, не желая ее расстраивать.

Зура...

Он действительно подходил ей больше! И очень... очень, очень нравился Маше! Но она не любила его. Это был добрый друг, которому она была благодарна за многое. В том числе за то, что он научил ее грузинскому языку. Именно Зура занимался с ней. И не потому, что Маша не сдержала данного Дато обещания осваивать азы грузинского именно с ним, просто педагог из него вышел отвратительный. Ему не хватало ни знаний, не терпения. Того, что Зура было не занимать. Маша проводила с обоими братьями одинаковое количество времени. С Зурабом занималась, с Дато развлекалась. Иногда они это совмещали. То есть уходили втроем на школьный двор и в ботанический сад. Пока Маша под руководством Зуры осваивала язык, Дато гонял в заброшенные сады за фруктами или носился на Казбеке, показывая им трюки, а потом катал ее по городу. Если погода портилась, они собирались в доме Ристави – братья уже не стеснялись его. Несколько раз втроем сидели в Машинной квартире. Но там Дато нервничал. Чувствовал себя персоной нон грата и хотел поскорее оказаться в безопасности двора.

Маша относилась к братьям с одинаковой симпатией. Возможно, Дато был ей ближе. То ли из-за одинакового возраста, то ли потому, что с ним она познакомилась раньше и он первым протянул ей руку дружбы. Но Зурой она восхищалась. Его умом, талантом. Вернее, талантами, во множественном числе. Литература, живопись, музыка – все было подвластно Зурабу. В пятнадцать, так и не дождавшись пианино, он научился играть на губной гармошке. Нашел ее на заднем дворе школы, отмыл от песка и стал дудеть. Сначала получалось так себе. А вернее, ужасно. Что-то среднее между воплем слона и ночным криком гиены. Но Зура обуздал губную гармошку за несколько дней. Первым делом научился играть на ней простейшие вещи. Типа «в траве сидел кузнечик», затем попробовал выдуть что-то посложнее. Когда он воспроизвел битловский «Естедей», перешел к импровизациям. Маша советовала Зуре всерьез заняться музыкой. Из него мог получиться отличный джазист, поскольку в творчестве он был свободен и смел. Не то что в обычной жизни. Но он, наигравшись, забросил губную гармошку. Доставал лишь, когда Маша просила что-нибудь «сбачать». Она наслаждалась игрой Зуры и гордилась тем, что является другом такой незаурядной личности.

Но ее восхищение не переросло во что-то большее... А вот чувство к Дато претерпело изменения...

Она хорошо помнила день, когда осознала, что любит его не только как друга...

Была зима. Да такая теплая, что плодовые деревья начали цвести. Все тбилисцы ходили в легких кофточках. Маша не стала исключением. Утром вышла из дома в джинсовой куртке с рукавом три четверти. К обеду чуть похолодало. Но светило солнце, и она не мерзла. А вечером пошел снег! Вот только что было ясно, как вдруг сгустились тучи, и с неба повалили белые хлопья!

В этот момент она стояла с Дато под магнолией и втягивала носом аромат нераспустившихся бутонов. Они катались до этого на велосипеде. Она увидела дерево и попросила Давида остановиться. Маша обожала магнолии. Особенно их запах. Он кружил ей голову.

– Снег! – воскликнул Дато. – Да какой!..

Она отвлеклась от бутонов и посмотрела на небо. С него действительно падали снежинки. Маша вышла из-под дерева, выставила ладонь и начала их ловить.

– Лучше так! – выкрикнул Дато и, задрал голову, высунул язык.

Маша последовала его примеру.

– Вкусно, правда? – хохотал Дато, причмокивая.

– Да! – отвечала она. Хотя какой вкус у снежинок? Никакого.

– Смотри, как красиво! – Он указал на ветку магнолии, которую покрыла снежная крупа.

На ней оказалось несколько полураскрытых бутонов. Нежные лепестки цветков, усыпанные ледяными кристалликами, походили на драгоценные украшения. Хотелось сорвать их и сделать себе брошь.

Дато, как будто прочитав ее мысли, осторожно обхватил пальцами тонкую веточку и отломил.

– Это тебе, – сказал он, улыбаясь. Затем сунул ее в петлю на кармашке куртки. – Только не делай резких движений, – предупредил он. – А то снег быстро осыпается...

Маша неподвижно стояла, глядя на «брошь»...

А снег все шел.

Вот уже все дерево засыпал, и бутонов не рассмотреть. На асфальте слой снега. И на волосах Дато...

Белое на черном! Красиво...

Он сдул снежинки с отросшей челки. Маша посмотрела на него и поняла, что влюблена по уши!

– Что? – удивленно спросил Дато, поймав ее взгляд.

– Что? – смутилась она.

– Смотришь на меня так, будто видишь впервые?

– У тебя снежинки на ресницах, и ты сам на себя не похож, – пробормотала она.

– У тебя тоже... – И он коснулся подушечками пальцев кончиков ее ресниц.

Ранее Дато прикасался к ней много-много раз, но она спокойно это воспринимала. Сейчас же ее точно током дернуло! Она резко отстранилась.

– Я сделал тебе больно? – переполошился Дато. – Ткнул в глаз?

– Да, – соврала Маша.

– Прости. – Он вытер глаза кулаками, стряхнул с волос снег, натянул на голову капюшон застиранной ветровки и сказал: – Поехали в ботанический сад, пока снег не кончился. Там, наверное, сейчас как в сказке...

– Нет, я замерзла и хочу домой.

– Маша, брось! Давай поедem? Хочешь, я тебе свою куртку отдам? – И начал торопливо расстегивать молнию. Ее заело. И Дато, чертыхнувшись, стащил ветровку через голову. – Держи...

– Нет, я домой, – заупрямилась Маша.

– Что с тобой сегодня такое? – насупился Давид. – Не с той ноги встала?

Она не ответила, молча направилась к велосипеду, приставленному к фонарному столбу.

Дато больше ее не уговаривал. Помог сесть на раму и отвез домой. На прощанье только махнул рукой. Обиделся.

Маша, войдя в квартиру, бросилась к окну. Сквозь тюль смотрела, как Дато отъезжает на своем Казбеке. Острые локти и колени, напряженная спина, линиялая куртка пузырем... Ей нравилось в нем все! Даже это...

Когда Давид скрылся из виду, Маша обессиленно опустилась на пол и заплакала. От растерянности... счастья... сожаления... испуга! Она влюбилась впервые, вот и растерялась. Чувство было прекрасным и делало ее счастливой. Но она вела себя как дура с Дато, о чем сожалела. И боялась, что теперь он не захочет ее видеть...

Тогда ей едва исполнилось тринадцать.

С тех пор прошло три года. Сейчас им по шестнадцать. Последний, выпускной класс, только разные школы. Зуре будет девятнадцать. Он учится на втором курсе университета. Одуванчику, младшему брату ее друзей, скоро исполнится одиннадцать.

Любовь Маши и Дато стала «настоящей» не так давно. Они продолжали поддерживать дружеские отношения вплоть до пятнадцатилетия. Естественно, они чуть изменились в силу того, что ребята повзрослели, но до определенного времени не имели и намека на романтику. Дато вел себя с Машей по-рыцарски. А она всегда была с ним ласкова, но держала себя в рамках. Хотя порой еле сдерживалась, чтобы не обнять его или поцеловать в «завитушки» на щеках, появляющиеся, когда Дато широко улыбался. В длиннющие ресницы, взмывающие при удивлении к тонким, будто выщипанным бровям. В губы, по которым стекал сок хурмы, – Дато обожал ее и таскал из садов. В его белоснежный лоб, на который вечно свисала челка, и он контрастировал с загорелым лицом. В его загорелый до черноты живот с выгоревшим пушком под пупком...

Иногда, когда они уезжали на Черепашье озеро и валялись на берегу, Маша касалась Давида, притворяясь спящей. Делала вид, что задремала, и выбрасывала руку, дотрагиваясь до него будто невзначай. Как-то она нечаянно попала ему в глаз. Но Дато, тихо охнув, лишь чуть отодвинулся, и она ощущала кожей щекотание его ресниц.

Именно там, на Черепашьем озере, они и переступили грань между дружбой и платонической любовью. Маша плохо плавала. Ее каждое лето на море возили, но она так и не научилась чувствовать себя как рыба в воде. Но очень воду любила. Маше нравилось бултыхаться у берега, отплывая от него лишь на пару-тройку метров. Но как-то она потеряла бдительность и ушла на глубину. Ее увлекла за собой огромная стрекоза, порхающая над гладью. Маша преследовала ее, чтобы рассмотреть, и не заметила, как оказалась в десяти метрах от берега. Вроде не такое уж большое расстояние, но она, не почувствовав под ногами дна, запаниковала. Начала сучить ногами и руками, при этом неумолимо уходя на дно. Маша уже с жизнью простилась, погрузившись в воду с головой, но тут почувствовала боль. Это ее схватили за волосы и выдернули на поверхность. Кашляя, отплевываясь, всхлипывая от ужаса, она ухватилась за шею спасателя. И дала отбуксировать себя на берег. Ощувив спиной песок, она выдохнула с облегчением и потеряла сознание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.